

УСКОЛЬЗАЮЩИЙ

МИР

как глобализация

меняет

нашу жизнь

Anthony Giddens

RUNAWAY WORLD

How Globalisation
is Reshaping
our Lives

Энтони Гидденс

УСКОЛЬЗАЮЩИЙ

МИР

как глобализация
меняет
нашу жизнь

ВЕСЬ
МИР

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва 2004

УДК 316
ББК 60.56
Г 46

Перевод с английского *М.Л. Коробочкина*

Данное издание выпущено в рамках проекта «Translation Project»
при поддержке Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) —
Россия и Института «Открытое общество» — Будапешт

Гидденс Э.

Г 46   Ускользящий мир: как глобализация меняет
нашу жизнь / Пер. с англ. — М.: Издательство «Весь
Мир», 2004. — 120 с.

ISBN 5-7777-0304-6

В основу этой книги легли лекции о глобализации, прочитанные социологом Энтони Гидденсом на Би-би-си в рамках Программы Рейта. По его мнению, мир в процессе глобализации не только не стал более «управляемым», но вообще вышел из-под контроля и «ускользает из рук». Глобализация затрагивает всех и каждого, поэтому книга содержит подробный анализ вопросов, связанных с влиянием глобализации не только на события мирового масштаба, но и на повседневную жизнь самых обычных людей.

Книга рассчитана на широкие читательские круги.

**УДК 316
ББК 60.56**

First published in London in 1999 by Profile Books Ltd under the
title: *Anthony Giddens. Runaway World. How Globalisation
is Reshaping our Lives.*

ISBN 5-7777-0304-6

© Anthony Giddens, 1999
© Перевод на русский язык,
Издательство «Весь Мир», 2004

Отпечатано в России

Посвящается
Мишель и Кэти

Содержание

Об авторе	9
Предисловие	13
Введение	17
Глава 1. Глобализация	23
Глава 2. Риск	37
Глава 3. Традиции	53
Глава 4. Семья	67
Глава 5. Демократия	81
Рекомендуемая литература	97
Именной указатель	109
Избранная библиография работ Э. Гидденса	111
Издания Э. Гидденса и литература о нем на русском языке	115

Об авторе

По общему мнению, Энтони Гидденс является сегодня наиболее широко цитируемым в мире современным социологом. Он автор более тридцати книг, которые были переведены примерно на 35 языков. Его первая работа «Капитализм и современная социальная теория» (*«Capitalism and Modern Social Theory»*, 1971) регулярно переиздавалась в течение более тридцати лет. Несколько других его книг стали академическими бестселлерами. Он автор известнейшего учебника по социологии*, который с момента первой публикации в 1988 г. был продан общим тиражом более 600 тыс. экз.

Работы Гидденса выходят далеко за пределы собственно социологии. Он пишет о проблемах социальной теории, истории общественной мысли, классовой стратификации, об элитах и власти, нациях и национализме, о семье и личности.

---

* Издан на русском языке в 1999 г. См. список работ в конце книги.

Среди его наиболее известных книг — «Новые правила социологического метода» (*«New Rules of Sociological Method»*, 1976), «Конституция общества» (*«The Constitution of Society»*, 1984), «Последствия современности» (*«The Consequences of Modernity»*, 1990), «Преображения близости» (*«The Transformation of Intimacy»*, 1992) и «Третий путь» (*«The Third Way»*, 1998).

Особенно глубоко воздействие Гидденса на политику. Он популяризировал понятие «третьего пути» в политическом мышлении, и к его советам прибегали политические лидеры Азии, Латинской Америки и Австралии, а также США и Европы.

С момента прихода в качестве директора Лондонской школы экономики в 1997 г., Гидденс посвятил себя дальнейшему повышению ее авторитета и расширения круга исследований. ЛШЭ успешно привлекла к работе академических ученых с мировым именем. Были введены новые междисциплинарные программы, связанные, в частности, с деятельностью Центра по правам человека, Центра анализа рисков и регулирования в ЛШЭ. В 2001 г. Лондонская школа экономики стала второй после Кембриджа (но выше Оксфорда) в рейтинге *Research Assessment Exercise*, охватывающем около 160 университетов Великобритании.

Энтони Гидденс удостоен 14 почетных степеней. Он член Американской академии искусств и науки и пожизненный член совета Королевского колледжа Кембриджа. Его ценят за ясный и легкий разговорный стиль, и неслучайно Орхусский университет в Дании удостоил его титула «лучший лектор мира». В 2002 г. за свои социальные исследования он был удостоен Премии принца Астурии, известной как «испанская Нобелевская премия».

Энтони Гидденс был одним из первых авторов, занявшихся в середине 1980-х гг. проблемами глобализации, и с тех пор продолжает работать над этой темой. Его лекции, прочитанные в рамках Программы Рейта на Би-би-си, помогли вывести дискуссии о глобализации на широкую аудиторию многих стран. Именно эти лекции легли в основу книги «Ускользающий мир», которая теперь выходит в русском переводе и благодаря которой российский читатель сможет приобщиться к обсуждению острых проблем, связанных с глобализацией.

Предисловие

Своим появлением эта небольшая книга обязана курсу лекций, прочитанных в рамках Программы Рейта в 1999 г. и подготовленных на Би-би-си для трансляции по каналу «Радио 4» и Всемирной службе Би-би-си. Быть лектором, завершающим Программу Рейта в XX в., — своего рода «знак отличия». Учитывая, в какое время программа готовилась, я счел уместным осветить широкий круг тем, связанных с положением в мире в конце столетия. Я надеялся, что лекции вызовут полемику, и эти надежды оправдались. «Наградой» автору стали нападки на курс в газетах и журналах по всему миру. К счастью, у моей точки зрения нашлось много защитников.

И лекционный курс, и книгу я назвал «Ускользающий мир», поскольку эта фраза передает чувства, которые испытывают многие из нас, живущих в эпоху быстрых перемен. Но сам этот термин изобрел не я. Я даже не первый из участников Программы Рейта, кто его использовал. Именно так назывался другой цикл лекций, прочитанных в рамках Программы Рейта знаменитым антропологом

Эдмундом Личем лет двадцать пять назад. Правда, он поставил в конце названия знак вопроса. Мне же кажется, что теперь он совершенно ни к чему.

Лекции Лича, да и всех участников программы, вплоть до недавнего времени записывались в одной из студий, затерянной где-то в недрах лондонского телерадиокомплекса. Однако участник программы за 1998 г., военный историк Джон Киган, отошел от этой традиции, выступая перед приглашенной аудиторией. После каждой лекции предусматривалось время для ответов на вопросы. При подготовке моего курса мы следовали той же схеме, но пошли еще дальше, поскольку впервые я выступал перед международной аудиторией. Вступительная лекция и заключительная — та, что посвящена теме «глобализация и демократия» — были прочитаны в Лондоне. Остальные три — о рисках, традициях и семье — записывались соответственно в Гонконге, Дели и Вашингтоне. Каждая лекция вызывала живую реакцию аудитории, за что мне хотелось бы поблагодарить всех присутствовавших.

Я хотел бы поблагодарить и участников дискуссии в Интернете, возникшей вокруг моих лекций. Наша идея состояла в том, чтобы инициировать всеохватывающий «электронный обмен мнениями» по проблемам глобализации. Множество людей со всех концов света прислали свои комментарии и замечания. Надеюсь, меня простят за то, что я не смог ответить каждому в отдельности на поставленные вопросы и среагировать на высказанные соображения.

Кроме того, немало людей принимали непосредственное участие в подготовке курса, и если он и имел некоторый успех, то этим я в огромной степени обязан им. Конкретно я хотел бы упомянуть Джеймса Бойла, руководителя «Радио 4», сэра Кристофера Блэнда, председателя

корпорации Би-би-си, Гвинет Уильямс, продюсера, Чарльза Зиглера, Смигу Патель, Гэри Уисби, Марка Биффорда, Марка Смита, Мэрион Гринвуд, Джени Абрамски, Сью Линас, Марка Дамазера, Шейлу Кук и остальных членов технической группы Би-би-си, ведущих Би-би-си, столь профессионально выполнивших свою работу, — Мелвина Брэгга, Мэтта Фрея, Марка Талли и Бриджет Екндалл; Анну Форд, оказавшую мне большую помощь; сотрудников Лондонской школы экономики — Энн де Сайра, Дениз Аннет, Мириам Кларк, превосходно справившихся с неоднократной перепечаткой рукописи, Аманду Гудалл, Элисое Чиверс, Криса Фуллера, Фиону Ходжсон, Бориса Хольцера и Реджи Симпсона. Особенно я благодарен Алене Леденевой за советы и поддержку. Дэвид Хелд ознакомился с несколькими вариантами рукописи и высказал ряд важных замечаний.

Июнь 1999 г.

Энтони Гидденс

Введение

«Мир движется стремительно и приближается к концу», — такие слова произнес архиепископ Вульфстан во время проповеди в Йорке в 1014 г. Подобные высказывания часто можно услышать и сегодня. Неужели надежды и страхи каждой эпохи — всего лишь повторение пройденного? Так ли уж отличается от прошлых времен мир, в котором мы живем, — мир конца XX столетия?

Да, отличается. Существует немало объективных оснований считать, что мы переживаем важный с исторической точки зрения переходный период. Более того, затрагивающие нас перемены не ограничиваются каким-то одним регионом земного шара, они происходят почти повсеместно.

Наша эпоха развивалась под воздействием науки, технологий и интеллектуального рационализма, возникших в Европе XVII и XVIII вв. Западную индустриальную культу-

ру сформировали идеи Просвещения, высказанные в произведениях мыслителей, выступавших против влияния религии и догм и стремившихся заменить их более разумным подходом к реальной жизни.

Философы-просветители исходили из простого, но весьма убедительного принципа. Чем больше мы способны объяснить мир и самих себя с рациональных позиций, считали они, тем больше сможем управлять историей в наших собственных целях. Чтобы овладеть будущим, нужно освободиться от привычек и предрассудков прошлого.

Карл Маркс, чьи концепции в огромной степени основывались на идеях Просвещения, сформулировал этот принцип самыми простыми словами. Необходимо понимать историю, утверждал он, чтобы ее творить. Благодаря этому принципу Маркс и марксизм приобрели в XX в. самое широкое влияние.

Согласно марксистской точке зрения, дальнейшее развитие науки и технологий делает мир более стабильным и упорядоченным. С этим соглашались даже многие идейные противники Маркса. Так, писатель Джордж Оруэлл предвидел возникновение общества, обладающего достаточно высоким уровнем стабильности и предсказуемости, в котором все мы станем крохотными винтиками гигантского социально-экономического механизма. К такому же выводу приходили и многие мыслители-обществоведы, например знаменитый немецкий социолог Макс Вебер.

Однако мир, в котором мы живем сегодня, не слишком соответствует их предсказаниям. Он не только не стал более «управляемым», но, судя по всему, вовсе вышел из-под контроля — мир ускользает из рук. Более того, воздействие некоторых факторов, призванных, как предполагалось, сделать нашу жизнь более определенной и предсказуемой,

в том числе научно-технический прогресс, зачастую приводит к противоположному результату. Так, глобальные климатические изменения и связанные с ними опасности, вероятно, являются следствием нашего вмешательства в окружающую среду. В борьбе с этими опасностями нам не обойтись без науки и технологий, но они же и способствовали возникновению самих этих опасностей.

Возникают факторы риска, с которыми еще никому и никогда не приходилось сталкиваться, — взять хотя бы глобальное потепление. Многие из этих новых факторов риска и неопределенности затрагивают нас независимо от того, где мы находимся, принадлежим мы к привилегированным или обездоленным слоям. Они связаны с глобализацией — этим «пакетом» перемен, которому и посвящена книга. Наука и технологии тоже глобализуются. Подсчитано, что сегодня количество ученых в мире превышает общую цифру за всю историю науки. Но глобализация обладает и множеством других аспектов. Она вводит в действие другие формы риска и неопределенности, особенно те, что связаны с глобальной электронной экономикой — совсем недавно возникшим явлением. Как и в науке, риск здесь — палка о двух концах. Его не всегда следует сводить к минимуму: рискованные инициативы в сфере финансов и предпринимательства — это движущая сила глобализующейся экономики.

Что такое глобализация, представляет ли она собой хоть сколько-нибудь новое явление — все это предмет оживленной дискуссии. На этих спорах я остановлюсь в главе 1, поскольку на них «завязано» многое другое. Но фактическое положение дел уже совершенно очевидно. Глобализация перестраивает наш образ жизни, и весьма основательно. Она надвигается с Запада, несет сильный отпечаток политического и экономического могущества

Америки и приводит к крайне неоднозначным последствиям. Но глобализация — не просто господство Запада над всем остальным миром; она затрагивает Соединенные Штаты точно так же, как и другие страны.

На повседневную жизнь глобализация влияет не меньше, чем на события мирового масштаба. Поэтому книга содержит подробный анализ проблем, связанных с проблемами секса, семьи и брака. В большинстве регионов мира женщины претендуют на большую самостоятельность, чем это было раньше; число работающих женщин неуклонно растет. Подобные аспекты глобализации не менее, а то и более важны, чем то, что происходит на мировом рынке. Они способствуют возникновению стрессов и напряженности, затрагивающих традиционный образ жизни и культуру в большинстве регионов мира. Традиционная семья оказалась под угрозой, ее характер меняется, и эти изменения будут продолжаться. Крупные преобразования происходят и в области других традиционных институтов, например, связанных с религией. Мир рушащихся традиций порождает фундаментализм.

Главным сражением XXI в. станет конфликт между фундаментализмом и космополитической толерантностью. В глобализующемся мире, где информация и образы постоянно «путешествуют» по всему земному шару, мы регулярно вступаем в контакт с другими людьми, которые мыслят и живут не так, как мы. Космополиты приветствуют и воспринимают это культурное многообразие. Фундаменталисты считают его тревожным и опасным явлением. Идет ли речь о религии, этнической идентичности или национализме — они ищут прибежище в обновленной и «очищенной» традиции, а зачастую и в насилии.

Есть основания надеяться, что космополитическая точка зрения победит. Терпимость в отношении культурного

разнообразия и демократия тесно взаимосвязаны, а демократия сегодня распространяется по всему миру. За распространением демократии стоит глобализация. В то же время, парадоксальным образом, она демонстрирует ограниченность наиболее привычных нам демократических структур, а именно структур парламентской демократии. Необходима дальнейшая демократизация существующих институтов в соответствии с требованиями глобальной эпохи. Хозяевами своей истории мы никогда не станем, но найти способ «поймать» наш ускользающий мир можем и должны.

Глобализация

Одна моя приятельница изучает жизнь крестьян Центральной Африки. Несколько лет назад она впервые посетила отдаленную местность, где намеревалась проводить полевые исследования. В день приезда один местный житель пригласил ее домой весело провести вечер. Она ожидала, что увидит традиционные способы проведения досуга в этом изолированном сообществе. Вместо этого собравшиеся смотрели по видео «Основной инстинкт». В тот момент в лондонских кинотеатрах этот фильм еще не появился.

Подобные мелочи позволяют кое-что понять о нашем мире. И они свидетельствуют не только о его тривальности. Дело не только в том, что к существующему образу жизни людей добавляются современные атрибуты — видео, телевизоры, персональные компьютеры и т. д. Мы живем в мире преобразований, затрагивающих практически все, что бы мы ни делали. Плохо это или хорошо, нас затапливают в рамки глобального порядка, суть которого никто

по-настоящему не понимает, но воздействие ощущает на себе каждый.

Возможно, слово «глобализация» звучит не слишком привлекательно и элегантно. Но игнорировать его не может никто, если мы хотим понять, какие перспективы ждут нас на рубеже веков. Я часто выступаю с лекциями за рубежом. В любой стране, где бы я ни побывал в последнее время, активно обсуждается проблема глобализации. Во Франции ее называют *mondialisation*. В Испании и Латинской Америке — *globalización*. В Германии — *Globalisierung*.

Повсеместное распространение самого термина свидетельствует о масштабе явлений, которые он обозначает. Каждый «гуру» из мира бизнеса говорит о глобализации. Ни одно выступление политика не обходится без ссылок на нее. Однако еще в конце 1980-х гг. этот термин практически не употреблялся ни в научной литературе, ни в повседневной речи. Он появился из ниоткуда, но присутствует почти везде.

Учитывая столь внезапную популярность, не стоит удивляться, что смысл этого понятия не всегда ясен, или что оно вызывает негативную реакцию среди интеллектуалов. Глобализация как-то связана с тезисом о том, что теперь все мы живем в едином мире, — но каким именно образом, и правильна ли сама эта идея? В ходе дискуссий, возникших в последние годы, разные эксперты высказывают чуть ли не диаметрально противоположные точки зрения относительно глобализации. Некоторые ставят под вопрос само понятие как таковое. Их я называю скептиками.

По мнению скептиков, все разговоры о глобализации — не больше чем болтовня, сотрясение воздуха. При всех своих преимуществах, проблемах и недостатках глобальная экономика не несет в себе особой новизны по сравнению с предыдущими периодами. Мир продолжает

развиваться в основном так же, как он развивается уже много лет.

С внешней торговлей, утверждают скептики, связан лишь незначительный процент национального дохода большинства стран. Более того, в международных экономических связях значительное место занимает межрегиональный обмен, который нельзя назвать по-настоящему глобальным. Так, страны Европейского Союза торгуют в основном друг с другом. Это относится и к другим крупнейшим торговым «блокам» — например Азиатско-Тихоокеанскому или Североамериканскому.

Другие — назовем их радикалами — занимают совершенно иную позицию. Радикалы не только считают глобализацию абсолютно реальным явлением, но и утверждают, что ее последствия ощущаются повсеместно. Мировой рынок, говорят они, сегодня куда более развит, чем даже в 1960-е или 1970-е гг.; национальные границы для него не существуют. Страны утратили большую часть своего прежнего суверенитета, а политики — большинство возможностей влиять на события. Неудивительно, что политические лидеры больше не пользуются ничьим уважением, а их заявления никого особенно не интересуют. Эпохе суверенных государств пришел конец. Отдельные страны, как выразился японский специалист по бизнесу Кеничи Омае, превратились просто в «фикцию». Ученые вроде Омае рассматривают экономические трудности, возникшие в ходе Азиатского кризиса 1998 г., как проявление реальности глобализации, пусть и в ее разрушительном аспекте.

По своим политическим убеждениям большинство скептиков относятся к левому крылу, прежде всего к «старым левым». Ведь если глобализация по сути — миф, то значит правительства по-прежнему способны контролировать происходящее в экономике, и государство все-

общего благосостояния остается нерушимым. Понятие глобализации, утверждают скептики, выдуманная идеология свободного рынка, выступающие за демонтаж системы социального обеспечения и сокращение государственных расходов. Все происходящее — это в лучшем случае повторение общемировой ситуации столетней давности. В конце XIX в. уже существовала открытая глобальная экономика и широкомасштабная торговля, в том числе валютные операции.

Ну и кто же прав в этом споре? По-моему, правы радикалы. Сегодня уровень международной торговли намного выше, чем когда-либо раньше, и в ней задействован гораздо более широкий набор товаров и услуг. Но главное отличие заключается в интенсивности финансовых потоков и движения капиталов. Сегодняшняя мировая экономика, привязанная к «электронным деньгам» — существующим только в виде цифр на экране компьютера — не имеет аналогов в прошлом.

В рамках этой глобальной электронной экономики руководство фондов, банки, корпорации и миллионы индивидуальных инвесторов способны одним щелчком мышки переводить громадные объемы капиталов из одной части света в другую. И эти их действия могут привести к дестабилизации экономики стран, чье положение представлялось абсолютно устойчивым — как это случилось в ходе азиатских событий.

Объем международных финансовых операций обычно исчисляется в долларах США. С точки зрения большинства людей миллион долларов — это большие деньги. Если эту сумму представить в виде стопки стодолларовых купюр, ее высота будет равна восьми дюймам. Такая же стопка в миллиард долларов — другими словами, в тысячу миллионов — будет выше собора Св. Павла. Стопка в триллион долларов —

миллион миллионов — достигнет высоты в 120 миль: это в 20 раз выше Эвереста.

Сегодня же на глобальных валютных рынках *ежедневно* обращаются суммы, намного превышающие триллион долларов. Это — гигантский рост даже по сравнению с концом 1980-х гг., не говоря уже о более отдаленных временах. Стоимость денег у нас в карманах или на банковских счетах поминутно меняется в соответствии с колебаниями этих рынков.

Поэтому я без всяких сомнений утверждаю, что глобализация в том виде, в каком мы с ней сталкиваемся, — во многом явление не только новое, но и революционное. И все же мне кажется, что ни скептики, ни радикалы не осознали должным образом суть самого этого явления и тех последствий, что оно нам несет. Обе группировки рассматривают его почти исключительно с экономической точки зрения. А это ошибка. Глобализация охватывает не только экономическую, но и политическую, технологическую, культурную сферы. Больше всего на нее повлияли события, связанные с развитием систем коммуникаций, которые произошли совсем недавно, в конце 1960-х гг.

В середине XIX в. художник-портретист из Массачусетса Сэмюэл Морзе передал по электрическому телеграфу первое сообщение: «Что сотворил Господь?» Это стало началом нового этапа мировой истории. До этого, чтобы передать любое сообщение, его кто-то должен был непосредственно доставить. Однако появление спутниковой связи означало не менее драматичный разрыв с прошлым. Первый коммерческий спутник был запущен лишь в 1969 г. Теперь на околоземной орбите находятся более 200 таких спутников, и каждый из них передает огромные объемы информации. Впервые в истории стала возможной мгновенная связь между противоположными точками земного шара. В последние

годы ускорилось и развитие других видов электронной связи, все более интегрированной со спутниковыми системами. До конца 1950-х гг. кабельной телефонной связи через Атлантический или Тихий океаны вообще не существовало. По первому телефонному кабелю можно было передавать около 100 разговоров одновременно. Сегодняшние передают более миллиона.

Первого февраля 1999 г., примерно через 150 лет после того, как Морзе изобрел систему точек и тире, азбука Морзе сошла со сцены. Она перестала использоваться в качестве средства связи на море. Ей на смену пришла система, использующая спутниковые технологии, с помощью которой можно мгновенно установить местонахождение любого судна, терпящего бедствие. Большинство стран заблаговременно подготовились к этому переходу. Французы, например, перестали пользоваться азбукой Морзе в своих территориальных водах еще в 1997 г., обставив это решение с чисто галльским колоритом: «Всем, всем, всем. Это наш последний привет перед тем, как мы умолкнем навеки».

Мгновенная электронная связь — не просто способ ускоренной передачи информации или новостей. Ее существование меняет саму жизнь человека, неважно, богат он или бедняк. Если внешность Нельсона Манделы нам знакома лучше, чем лицо соседа, живущего напротив, значит, что-то изменилось в самом характере нашей повседневности.

Нельсон Мандела — мировая знаменитость, а само понятие «знаменитость» во многом является порождением новых коммуникационных технологий. С каждой волной инноваций распространение медийных технологий ускоряется. Понадобилось 40 лет, чтобы количество радиослушателей в Соединенных Штатах достигло 50 миллионов. А число пользователей персональных компьютеров до-

стигло этой цифры уже через 15 лет после их разработки. Когда же появился Интернет, число американцев, регулярно выходящих в «сеть», выросло до 50 миллионов всего за каких-то 4 года.

Было бы неверно думать, что глобализация затрагивает лишь крупные системы, такие, как мировые финансы. Глобализация касается не только того, что находится «где-то там» далеко и не связано с жизнью конкретного человека. Это явление находится в «непосредственной близости» и от нас, воздействуя на самые интимные и личные аспекты нашей жизни. Может показаться, что, скажем, идущая во многих странах дискуссия о семейных ценностях никак не связана с влиянием глобализации. Но это не так. Во многих регионах мира традиционные семейные структуры переживают трансформацию, или находятся под ударом, особенно в связи со стремлением женщин к большему равноправию. Насколько нам известно, в истории еще не существовало общества, где женщины и мужчины обладали примерно равными правами. Так что в повседневной жизни происходит настоящая революция, последствия которой ощущаются по всему миру в самых разных областях — от трудовых отношений до политики.

Таким образом, глобализация — это не один процесс, а сложное сочетание целого ряда процессов. Развиваются они противоречиво или даже в противоположных направлениях. Большинство людей считает, что глобализация — это когда полномочия и влияние просто «выхватываются» из рук местных сообществ и государств и переносятся на международный уровень. Действительно, одно из ее последствий состоит именно в этом. Суверенные государства утрачивают часть экономических полномочий, которыми они прежде обладали. Но глобализация приводит и к про-

тивоположному результату. Она «тянет одеяло» не только вверх, но и вниз, порождая новые требования об автономии на местах. Это явление весьма удачно охарактеризовал американский социолог Дэниел Белл, заявив, что масштаб государства становится не только слишком мал для решения крупных проблем, но и слишком велик для решения малых.

Глобализация является причиной возрождения местной культурной идентичности во многих регионах мира. Ответ на вопрос, почему, к примеру, шотландцы стремятся получить больше самостоятельности в рамках Соединенного Королевства, а в Квебеке существует мощное сепаратистское движение, следует искать не только в их историко-культурных традициях. Местный национализм оживляется в ответ на глобализационные тенденции, на ослабление контроля со стороны традиционного государства.

Натиск глобализации идет и «по горизонтали». Она создает новые экономические и культурные зоны внутри одной страны, или в рамках нескольких стран. Среди примеров — регион Гонконга, север Италии и Силиконовая долина в Калифорнии. Или возьмем регион Барселонны. Область, окружающая Барселону в северной Испании, простирается и на территорию Франции. Каталония, где находится Барселона, глубоко интегрирована в Европейский Союз. Она является частью Испании, но ориентирована и на внешний мир.

Эти изменения обусловлены рядом факторов, часть из которых носит структурный характер, а часть — более конкретный и исторический. Конечно, одной из движущих сил процесса является влияние экономики — особенно глобальной финансовой системы. Но экономический фактор — не природная стихия. Он определяется развити-

ем технологий, распространением культуры, а также решениями правительств о либерализации и дерегулировании экономики своих стран.

Крах советского коммунизма усилил развитие этих процессов: теперь за их рамками не осталось ни одной сколько-нибудь значительной группировки государств. Этот крах произошел отнюдь не случайно. Глобализация позволяет понять, почему и как советский коммунизм пришел к концу. Темпы роста в бывшем Советском Союзе и восточноевропейских государствах были сравнимы с аналогичными показателями на Западе примерно до начала 1970-х гг. После этого СССР и его союзники начали быстро отставать. Советская коммунистическая система, с ее упором на государственные предприятия и тяжелую промышленность, была неконкурентоспособна в рамках глобальной электронной экономики. Контроль над идеологией и культурой, на котором основывалась политическая власть коммунистических режимов, просто не мог не рухнуть в эпоху глобальных СМИ.

Правящие режимы СССР и восточноевропейских стран не могли помешать своим гражданам слушать западные радиостанции и смотреть телепередачи. Телевидение сыграло самую непосредственную роль в революциях 1989 г., с полным основанием получивших название первых «телевизионных революций». Демонстрации протеста, происходившие в одних странах, телесмотрители из других стран видели на своих экранах, после чего многие из них сами выходили на улицу.

Конечно, глобализация развивается неравномерно, и ее последствия далеко не всегда благотворны. Многим людям за пределами Европы и Северной Америки она до боли напоминает вестернизацию — или даже американизацию, ведь США сегодня остались единственной сверх-

державой, занимающей господствующие позиции на мировой арене в экономическом, культурном и военном отношении. Многие из самых заметных культурных символов глобализации связаны с Америкой — «кока-кола», «Макдональдс», Си-эн-эн.

Штаб-квартиры большинства гигантских транснациональных корпораций также находятся в США. Все остальные связаны с другими богатыми странами, а отнюдь не с бедными регионами мира. Согласно пессимистическому взгляду на глобализацию, она в основном касается промышленно развитого Севера, а развивающиеся страны Юга играют в ней очень незаметную и неактивную роль. Она рассматривается как процесс разрушения местных культур, усиления неравенства в мире и ухудшения положения обездоленных. Глобализация, утверждают некоторые, создает мир победителей и побежденных, причем к первой, процветающей категории относятся немногие, а большинство обречено жить в нищете и отчаянии.

Действительно, статистика просто ужасает. Доля беднейших 20% населения мира в совокупном общемировом доходе с 1989 по 1998 г. снизилась с 2,3 до 1,4%. Доля самых богатых 20%, наоборот, возросла. В 20 африканских странах к югу от Сахары доход на душу населения в реальном исчислении снизился по сравнению с концом 1970-х гг. Во многих менее развитых странах нормы в области безопасности и экологии занижены или практически отсутствуют. Некоторые транснациональные корпорации продают там товары, распространение которых в промышленно развитых странах ограничено или запрещено — некачественные лекарства, вредные пестициды или сигареты с высоким содержанием смол и никотина. Это, конечно, не «всемирное братство», а всемирное пиратство.

Наряду с экологической опасностью, с которой он, кстати, тесно связан, рост неравенства является самой серьезной проблемой, стоящей перед мировым сообществом. Однако не стоит взыскивать всю вину на богатых. Краснотелым камнем моей аргументации является тот факт, что глобализация сегодня лишь отчасти означает вестернизацию. Конечно, страны Запада или промышленно развитые страны в целом по-прежнему обладают гораздо большим влиянием на обстановку в мире, чем менее богатые государства. Но глобализация становится все более децентрализованным процессом — она неподконтрольна ни одной группе государств, а уж тем более крупным корпорациям. В западных странах ее последствия ощущаются не меньше, чем где-либо еще.

Это относится и к глобальной финансовой системе, и к переменам, затрагивающим характер управления в целом. Все более распространенным явлением становится так называемая «колонизация наоборот». Колонизация наоборот означает влияние стран, не относящихся к Западу, на развитие событий в западных странах. Примеров тому множество — взять хотя бы «латиноамериканизацию» Лос-Анджелеса, возникновение глобально ориентированного высокотехнологического сектора в Индии или продажу бразильских телепрограмм в Португалию.

Является ли глобализация силой, служащей всеобщему благу? На этот вопрос не существует простого ответа, учитывая сложный характер самого явления. Люди, задающие его и обвиняющие глобализацию в углублении неравенства в мире, как правило, имеют в виду экономическую глобализацию, а в ее рамках — свободу торговли. Сегодня, конечно, совершенно очевидно, что свобода торговли не является однозначным благом. Особенно это касается ее последствий для развивающихся стран. Открытие страны

или каких-то ее регионов для свободной торговли может подорвать местную экономику. Территория, попадающая в зависимость от нескольких видов продукции, реализуемых на мировом рынке, весьма уязвима к колебаниям цен и технологическим изменениям.

Торговля, как и другие формы экономического развития, всегда нуждается в институциональных структурах. Рынки невозможно создать чисто экономическими методами, и то, до какой степени экономика данной страны должна открыться перед мировым рынком, зависит от ряда критериев. Однако противостояние экономической глобализации и внедрение протекционизма в экономике — это ошибочная тактика как для богатых, так и для бедных стран. В определенные периоды и для определенных стран протекционизм, возможно, является необходимостью. На мой взгляд, власти Малайзии, например, поступили правильно, введя в 1998 г. контрольный механизм для предотвращения оттока капиталов из страны. Но протекционистская политика, осуществляемая на постоянной основе, не способствует развитию бедных стран, а если это делают богатые государства, результатом становится создание враждующих торговых блоков.

Споры относительно глобализации, о которых я упомянул вначале, в основном сосредотачиваются на ее последствиях для суверенных государств. Сохранили государства, а значит и их политические лидеры, свое могущество, или ситуацию в мире сегодня все больше определяют совершенно иные силы? Нет, государства еще обладают могуществом и роль политических лидеров в мире по-прежнему велика. И в то же время роль суверенного государства меняется у нас на глазах. Экономическая политика на уровне государства уже не обладает той же эффективностью, что и прежде. И, что еще важнее, сегодня,

когда прежние формы геополитики устаревают, государствам необходимо пересмотреть свою идентичность в целом. Хотя это и спорная точка зрения, я считаю, что после окончания «холодной войны» у большинства стран больше не осталось врагов. Ну кого можно считать врагами Британии, Франции или Бразилии? Война в Косово не была межгосударственным конфликтом. Здесь традиционный территориальный национализм столкнулся с интервенционизмом нового типа, основанным на моральных соображениях.

Сегодня государствам угрожают риски и опасности, а не враги, что коренным образом меняет саму их природу. И это относится отнюдь не только к государству. Повсюду мы видим институты, которые внешне выглядят так же, как и раньше, и носят те же названия, но абсолютно изменились изнутри. Мы продолжаем говорить о государстве, семье, работе, традициях, природе, как будто эти понятия остались теми же, что и прежде. Но это не так. Прежней осталась скорлупа, внешняя оболочка, но внутри они изменились — и это происходит не только в США, Великобритании или Франции, но практически везде. Я называю их «институты-пустышки». Это институты, уже не соответствующие задачам, которые они призваны выполнять.

Набирая силу, изменения, которые я охарактеризовал в данной главе, создают нечто беспрецедентное — глобальное космополитичное общество. Мы — первое поколение людей, живущих в этом обществе, чьи контуры просматриваются пока довольно смутно. Оно потрясает основы нашего традиционного образа жизни, где бы мы ни находились. На данный момент это еще не мировой порядок, определяемый коллективной волей людей. Нет, его становление носит анархический, случайный характер, на него влияют множество разных факторов.

Этот порядок не назовешь устоявшимся и стабильным: он полон тревог и раздирается глубокими противоречиями. Многие из нас ощущают себя игрушкой в руках сил, которые нам неподвластны. Способны ли мы подчинить их своей воле? По-моему, да. Переживаемое нами ощущение бессилия — не признак нашей собственной слабости, а отражение недееспособности наших институтов. Надо реформировать те институты, что уже имеются, или создать новые. Ведь глобализация сегодня — не случайное явление в нашей жизни. Это изменение самих ее основ, что теперь и есть наш образ жизни.

Риск

Июль 1998 г. стал возможно самым жарким месяцем в истории человечества, а весь 1998-й — самым жарким годом. Жара патворила бед во многих районах северного полушария. В Эйлате (Израиль) температура поднялась почти до 46 °С, а потребление воды в стране выросло на 40%. В Техасе (США) столбик термометра временами приближался к той же отметке. Ежемесячные температурные показатели за первые восемь месяцев этого года были рекордно высокими. Однако вскоре в некоторых районах, пострадавших от жары, впервые за всю историю выпал снег.

Являются ли подобные температурные скачки результатом воздействия человека на климат Земли? С полной уверенностью мы этого сказать не можем, но должны признать, что такая вероятность существует, как и в отношении участвовавших в последние годы ураганов, тайфу-

пов и штормов. Возможно, в ходе глобального промышленного развития мы изменили мировой климат и, помимо этого, нанесли ущерб окружающей среде во многих других отношениях. Мы не знаем, каковы будут результаты дальнейших изменений и какими опасностями они чреваты.

Попробуем объяснить все эти вопросы, отметив, что все они связаны с *риском*. Надеюсь, мне удастся убедить вас, что это на первый взгляд простое понятие является ключом к разгадке некоторых базовых характеристик мира, в котором мы сегодня живем.

На первый взгляд может показаться, что концепция риска для нашего времени не более актуальна, чем для прошлых эпох. В конце концов, разве людям не приходилось всегда сталкиваться с немалым риском? В Средние века жизнь большинства людей была ужасной, грубой и непродолжительной — какой она остается и сегодня для многих жителей бедных регионов мира.

Но вот здесь-то и начинается самое интересное. Помимо некоторых второстепенных контекстов, концепции риска в Средние века просто не существовало. Точно так же, насколько мне удалось установить, не было ее и в большинстве других традиционных культур. Судя по всему, идея риска утвердилась в XVI—XVII столетиях, и ее создателями были западные исследователи, разъезжавшие по свету. Само слово «риск», похоже, пришло к нам из испанского или португальского языка, где оно означало плавание в незнакомых водах, не нанесенных на карту. Другими словами, первоначально оно относилось к пространству. Позднее риск стал и временной категорией — это понятие стало употребляться в банковском деле и инвестиционных операциях, обозначая анализ возможных последствий того или иного решения о вложении капита-

лов для кредиторов и заемщиков. Затем оно расширилось, охватывая теперь целый ряд ситуаций, связанных с неопределенностью.

Следует отметить, что понятие риска неотделимо от категорий возможности и неопределенности. О человеке нельзя сказать, что он рискует, если исход ясен на 100%.

Этот тезис хорошо иллюстрирует один старый анекдот. Человек прыгает с крыши стоэтажного небоскреба. Пролетая в своем падении мимо каждого этажа, он повторяет: «Пока все идет неплохо, пока все идет неплохо, пока все идет неплохо...» Он словно оценивает риск, но результат на самом деле предрешен.

В традиционных культурах концепции риска не было, потому что они в ней не нуждались. Риск — это не то же самое, что опасность или угроза. Понятие риска связано с активным анализом опасности с точки зрения будущих последствий. Оно широко используется лишь в обществе, ориентированном на будущее, для которого будущее — это территория, подлежащая завоеванию и колонизации. Концепция риска предполагает наличие общества, активно пытающегося порвать с собственным прошлым, — а это главная характеристика индустриальной цивилизации нового и новейшего времени.

Все более ранние культуры, в том числе великие древние цивилизации, такие, как Рим или Древний Китай, жили в основном прошлом. Для тех ситуаций, которые мы связываем с риском, у них существовали понятия судьбы, удачи или воли богов. В традиционных культурах, если человек терпел жизненную катастрофу или, наоборот, его дела резко шли в гору, это подпадало под одно из таких понятий или объяснялось тем, что так пожелали боги или духи. В некоторых культурах идея случайности вообще отсутствует. Так, африканское племя азанде верит, что

если с кем-то происходит несчастье, то это результат колдовства. Если, скажем, человек заболел, значит враги наслали на него порчу.

Подобные взгляды, конечно, не исчезают без следа и в современную эпоху. Понятия магии, фаталистские и космологические концепции по-прежнему существуют. Но зачастую они превращаются в суеверия, которым люди верят лишь наполовину и которых немного стесняются. У большинства азартных игроков, в том числе игроков биржевых, существуют ритуалы, помогающие снять психологическую неопределенность ситуаций, с которыми они сталкиваются. Это относится и ко многим другим рискам, которых мы не в состоянии избежать, ведь недаром говорят, что жизнь — по определению дело рискованное. Поэтому ничуть не удивительно, что люди и по сей день обращаются к астрологам, особенно в важнейшие моменты жизни.

Но готовность идти на риск — это и непеременимое условие захватывающих приключений — достаточно вспомнить об удовольствии, которое некоторые получают от риска, связанного с азартными играми, быстрой ездой, сексуальными приключениями или катанием на «американских горках». Более того, позитивное отношение к риску — это источник энергии, создающей богатства в современной экономике.

Два аспекта риска — его негативная и позитивная стороны — проявились уже в новое время, на заре существования индустриального общества. Риск — это динамичная мобилизующая сила в обществе, стремящемся к переменам, желающем самостоятельно определять свое будущее, а не оставлять его во власти религии, традиций или капризов природы. Современный капитализм отличается от всех предыдущих экономических систем своим отноше-

нием к будущему. Предыдущие разновидности рыночной экономики носили случайный или частичный характер. Деятельность купцов и торговцев, к примеру, никогда особо не влияла на базовые структуры традиционных цивилизаций, остававшихся прежде всего аграрными и «сельскими» обществами.

Современный капитализм внедряется в будущее благодаря тому, что оценка будущих прибылей и убытков, а значит и риска, превращается в непрерывный процесс. Этого не могло произойти, пока в XV в. в Европе не изобрели двойную запись в бухгалтерии (дебет-кредит), позволявшую четко проследить, каким образом нужно вкладывать деньги, чтобы заработать больше. Конечно, многие риски, например, связанные со здоровьем, мы стараемся насколько возможно свести к минимуму. Потому-то с самого зарождения понятие риска сопровождается понятием страховки. И здесь речь идет не только о частном или коммерческом страховании. Государство всеобщего благосостояния, истоки которого можно проследить еще в «законах о бедных», принятых в елизаветинской Англии — это, по сути, система обуздания рисков. Она призвана защищать от опасностей, некогда рассматривавшихся как воля богов, — болезней, потери трудоспособности, безработицы и старости.

Страховка — это черта, за которой человек уже не готов идти на риск. Она является основой защищенности в мире, откуда мы изгнали судьбу, активного взаимодействия с будущим. Как и сама идея риска, появление современных видов страхования связано с мореплаванием. Самые ранние случаи морского страхования относятся к XVI в. В 1782 г. одна лондонская фирма выдала первый полис на международные морские перевозки. Вскоре после этого лидирующее положение в формирующей-

ся страховой отрасли заняла компания «Ллойд» из Лондона — и сохраняет его уже в течение двух столетий.

Понятие страховки имеет смысл лишь тогда, когда мы верим в способность человека определять будущее. Она является одним из средств этого определения. Страховка обеспечивает защищенность, но она и паразитирует на риске и отношении к нему людей. Те, кто выдает страховку, будь то частный страховщик или государственная система соцобеспечения, по сути, просто занимаются перераспределением риска. Если кто-то застрахует свой дом от пожара, риск от этого не исчезнет. Домовладелец перекладывает риск на страховщика в обмен на денежный взнос. Торговля риском или его перекладывание на плечи других — не случайная черта капиталистической экономики. Без этого капитализм немыслим и недееспособен.

По этим причинам развитие общества с начала эпохи Нового времени и до наших дней неизменно связано с идеей риска, но я утверждаю, что сегодня риск приобретает новое, специфическое значение. Риск считался способом регулирования будущего, его нормализации и подчинения нашей воле. Но все вышло не так. Сами наши попытки поставить будущее под контроль оборачиваются против нас, заставляя искать другие пути, как справиться с неопределенностью.

Чтобы лучше понять происходящее, необходимо выделить две разновидности риска. Первую из них я назову внешним риском. Внешний риск — это риск, причина которого лежит вне нас самих: она связана с неизменными традициями или законами природы. Другую разновидность назовем рукотворным риском, т. е. риском, связанным с нашим познанием окружающего мира. К категории рукотворного риска относятся ситуации, с которыми мы

практически не сталкивались ранее в истории. Сюда входят большинство экологических рисков, связанных, например, с глобальным потеплением. Непосредственное влияние на них оказывает усиление глобализации, о чем я говорил в главе 1.

Разницу между двумя разновидностями риска лучше всего объяснить следующим образом. Можно сказать, что в рамках всех традиционных культур, да и индустриального общества вплоть до самых недавних пор, людей беспокоил риск, связанный с внешней средой — неурожаем, наводнениями, эпидемиями или голодом. Однако в какой-то момент — совсем недавно, по историческим меркам — нас стало беспокоить не столько то, что может сделать с нами природа, сколько то, что мы можем сделать с ней. Это поворотный момент от преобладания внешнего риска к господству рукотворного.

Но кто же такие «мы», те, что беспокоимся? Думаю, сегодня это мы все, независимо от того, живем мы в богатых или бедных регионах мира. В то же время очевидно, что между богатыми регионами и всеми остальными существует некий водораздел. В бедных странах сохраняется гораздо больше «традиционных» рисков, вроде тех, о которых я только что упомянул, — как, например, риск голода в случае неурожая, — которые сочетаются с новыми рисками.

Наше общество существует в эпоху, когда природе пришел конец. Это, конечно, не означает, что физический мир или физические процессы перестали существовать. «Конец природы» означает, что лишь немногие аспекты окружающей нас материальной среды еще не подверглись в той или иной форме вмешательству человека. Многое из того, что прежде носило естественный, природный характер, в какой-то степени стало искусствен-

ным, хотя мы не всегда в состоянии точно определить, где кончается первое и начинается второе. В 1998 г. в Китае произошли сильные наводнения с большим количеством жертв. Разлив больших рек — постоянное явление в истории Китая. Можно ли считать эти недавние наводнения повторяющейся ситуацией, или на них повлияли глобальные изменения климата? Этого не знает никто, но некоторые специфические особенности наводнений 1998 г. позволяют предположить, что они вызваны не только естественными причинами.

Рукотворный риск относится не только к природе — или тому, что раньше было природой. Он проникает и в другие сферы жизни. Возьмем, скажем, проблему семьи и брака. В промышленно развитых странах, а в какой-то степени и во всех странах мира здесь происходят глубокие изменения. Еще за два-три поколения до нас, вступая в брак, люди четко знали, что с этим связано. Брак, освященный традициями и обычаями, был сродни естественному, природному состоянию — что, конечно, во многих странах происходит и сегодня. Однако там, где традиционный образ жизни рушится, люди, вступая в брак или постоянные отношения, в каком-то смысле не ведают, что творят, ведь институты брака и семьи очень сильно изменились. Такие люди, подобно первопроходцам, идут по целине. Осознают они это или нет, но, как это неизбежно происходит в подобных ситуациях, они все больше начинают мыслить категориями риска. Их личное будущее представляется куда более незащищенным от любых напастей, чем раньше, со всеми возможностями и опасностями, которыми чревата подобная ситуация.

По мере нарастания рукотворного риска, сам риск становится более «рискованным». Распространение идеи риска, как я уже отмечал, было тесно связано с возможнос-

тью его оценки. Большинство видов страхования напрямую основываются на этой связи. Так, каждый раз, когда кто-то садится в машину, можно предположить, что этот человек попадет в аварию. Это актуарный прогноз — он делается заблаговременно. В ситуациях рукотворного риска все обстоит по-иному. Мы просто не знаем, каков уровень риска, и зачастую узнаем это лишь тогда, когда уже слишком поздно.

Не так давно, в 1996 г., исполнилось десять лет с момента катастрофы на Чернобыльской атомной электростанции на Украине. Никто не знает, каковы будут ее долгосрочные последствия. Возможно, через какое-то время накапливающиеся негативные изменения приведут к катастрофическому ухудшению здоровья людей, а возможно, этого не случится. То же самое можно сказать и об эпизоде со вспышкой губчатого энцефалита — так называемого «коровьего бешенства» — в Великобритании с точки зрения его последствий для человека. Пока что мы не можем быть уверены, что число заболевших в какой-то момент не увеличится.

Или посмотрим на ситуацию с глобальными климатическими изменениями. Большинство ученых, хорошо разбирающихся в этой проблеме, считают, что глобальное потепление действительно имеет место и что нужно безотлагательно принимать меры. Однако еще в середине 1970-х гг. общепринятой точкой зрения среди ученых считалось то, что мир переживает этап глобального похолодания. Во многом те же данные, что приводились в поддержку гипотезы глобального похолодания, сегодня преподносятся как доказательства глобального потепления — вспышки жары и внезапные заморозки, необычный характер погоды. Так происходит ли глобальное потепление и является ли деятельность человека его причи-

ной? Возможно — но полной уверенности у нас не будет и не может быть, пока не станет слишком поздно.

В этих условиях в политике сформировался новый моральный климат, когда приходится выбирать из двух зол: с одной стороны тебя могут обвинить в паникерстве, с другой — в сокрытии правды. Если кто-то — государственный чиновник, ученый-эксперт или исследователь — считает, что риск серьезен, он должен об этом заявить. О его мнении следует широко оповестить общественность, ведь людей необходимо убедить в реальности риска — вокруг него надо поднять шум. Однако, если шум поднялся, а риск оказывается минимальным, тех, кто «заварил кашу», обвинят в нагнетании паники.

Но представим себе и другую ситуацию: власти поначалу решают, что риск не слишком велик, как это случилось с британским правительством в истории с зараженной говядиной. В этом случае правительство сразу же заявило: на нашей стороне мнение ученых, риск незначителен, и все кто желает, могут продолжать есть говядину без всяких опасений. Но если события разворачиваются по-иному — что и произошло на самом деле — власти подвергаются обвинениям в сокрытии правды — и такие обвинения действительно на них обрушились.

Дела обстоят куда хуже, чем позволяют предположить приведенные примеры. Парадоксальным образом нагнетание паники, возможно, необходимо для обуздания рисков, с которыми мы сталкиваемся, — но если оно приводит к успеху, то и выглядит просто как нагнетание паники. Примером тому является проблема СПИДа. Правительства и специалисты самым драматическим образом публично обыграли вопрос о рисках, связанных с сексом без предохранения, чтобы заставить людей изменить свое сексуальное поведение. Частично благодаря этому СПИД

в развитых странах не получил такого широкого распространения, как первоначально прогнозировалось. Тогда возникла следующая реакция: зачем же вы нас так запугивали? Но, насколько мы можем судить по общим тенденциям распространения СПИДа в мире, власти в данном случае поступили — и поступают — совершенно правильно.

Подобные парадоксы становятся в современном обществе обыденным явлением, но способов легко с ними справиться не существует. Ведь, как я уже отмечал, в ситуациях, связанных с рукотворным риском, сам вопрос, действительно ли риск существует, чаще всего вызывает споры. Мы не можем знать заранее, когда мы действительно сеем панику, а когда — нет.

Сегодня наше отношение к науке и технике отличается от того, что было характерно для прошлых эпох. Лет двести в западном обществе наука функционировала в качестве своего рода традиции. Научное знание было призвано преодолеть традиции, но в какой-то степени само превратилось в одну из них. Это было нечто такое, что большинство людей уважали, но само оно находилось за пределами их непосредственной деятельности. Непосвященные принимали мнения специалистов на веру.

Чем больше наука и техника вторгается в нашу жизнь, причем в глобальных масштабах, тем меньший вес сохраняет эта точка зрения на науку. Отношение большинства из нас — в том числе государственных властей и политиков — к науке и технике стало по необходимости намного более пристрастным и заинтересованным, чем раньше.

Мы не можем просто «согласаться» с выводами ученых, хотя бы потому, что ученые так часто не соглашаются друг с другом, особенно в ситуациях, связанных с рукотворным риском. И все сегодня признают, что наука имеет

по сути мобильный характер. Когда вы решаете, на какую садиться диету, что съесть на завтрак, пить кофе с кофеином или без, вы принимаете это решение в условиях противоречивости и изменчивости научно-технической информации.

Вот, например, красное вино. Как и другие алкогольные напитки, красное вино в свое время считалось вредным для здоровья. В ходе дальнейших исследований выяснилось, что употребление красного вина в разумных количествах является профилактикой сердечных болезней. Затем было установлено, что такими же защитными свойствами обладает любой алкоголь, но только для людей старше сорока. И кто может сказать, какими будут следующие выводы ученых?

Некоторые утверждают, что самый эффективный способ справиться с нарастанием рукотворного риска — это снижение ответственности за счет так называемого «принципа перестраховки». Понятие принципа перестраховки впервые появилось в Германии в 1980-е гг. в ходе проходивших тогда дискуссий об экологии. В двух словах он означает, что меры для решения экологических проблем (и, соответственно, в отношении других форм риска) следует предпринимать, даже если научные данные о них ненадежны. Поэтому в 1980-х гг. в нескольких европейских странах были приняты программы по борьбе с кислотными дождями, в то время как в Великобритании отсутствие однозначных данных использовалось для оправдания бездействия в отношении этой и других проблем загрязнения окружающей среды.

Однако принцип перестраховки не всегда полезен или вообще применим для решения проблем, связанных с риском и ответственностью. Предписания о «близости к природе» или ограничении инноваций вместо их внед-

рения, уместны не всегда. Причина заключается в невозможности уловить баланс между преимуществами и опасностями, связанными с научно-техническим прогрессом, да и другими формами социальных изменений. Возьмем в качестве примера разногласия из-за генетически измененных продуктов питания. Генетически измененные злаки уже выращиваются в разных странах мира на площади в 35 миллионов гектаров — что в полтора раза превышает территорию Великобритании. В основном их возделывают в Северной Америке и Китае. Среди выращиваемых культур — соя, маис, хлопок и картофель.

Трудно найти более наглядное проявление ситуации, когда природа перестает быть природой. Возможные риски связаны с рядом неизвестных факторов — или, я бы сказал, известных неизвестных, ведь окружающий мир явно склонен преподносить нам сюрпризы. Возможны и другие последствия, которые никто пока не смог предугадать. Одна разновидность риска связана с тем, что в среднесрочной или долгосрочной перспективе такие растения могут быть опасны для здоровья. В конце концов, генетические технологии — дело во многом совершенно новое, отличающееся от традиционных методов скрещивания.

Другая возможность заключается в том, что гены, введенные в сельскохозяйственные культуры, чтобы повысить их сопротивляемость вредителям, могут передаться другим растениям, создавая «суперсорняки». Это, в свою очередь, может превратиться в угрозу биоразнообразию окружающей среды.

Поскольку требования в поддержку выращивания и потребления генетически измененных культур частично обусловлены чисто коммерческими интересами, может быть, разумнее всего было бы наложить на них запрет

в глобальном масштабе? Даже если представить себе, что такой запрет будет реально действовать, все, как всегда, обстоит не так просто. Практикуемое сегодня интенсивное земледелие не может применяться до бесконечности. Оно связано с использованием большого количества химических удобрений и инсектицидов, разрушительно воздействующих на окружающую среду. В то же время, если мы вернемся к традиционным формам земледелия, нам никогда не накормить население планеты. Культуры, созданные с помощью биотехнологий, позволяют сократить использование вредных химикатов, и тем самым помогут решить все эти проблемы.

С какой стороны ни подойти, мы все время сталкиваемся с проблемой управляемого риска. С распространением рукотворного риска правительства государств уже не могут делать вид, что такое управление — не их дело. И им необходимо сотрудничать между собой, поскольку лишь ничтожная часть рисков «нового типа» хоть сколько-нибудь связана с национальными границами.

Но и мы, обычные люди, не можем игнорировать эти новые риски — или ждать их четкого научного подтверждения. В качестве потребителя каждый из нас вынужден решать, следует ему избегать генетически измененных продуктов или нет. Эти риски, как и связанные с ними дилеммы, глубоко внедрились в нашу повседневную жизнь.

Теперь позвольте мне перейти к выводам, и одновременно попытаться еще раз прояснить свои аргументы. Наша эпоха не более опасна — или связана с риском — чем те, в которых жили предыдущие поколения, но изменился баланс рисков и опасностей. Мы живем в мире, где опасности, созданные нашими же руками, не менее, а то и более серьезны, чем те, что приходят к нам извне. Некоторые из них носят по-настоящему катастрофический

характер, как, например, глобальные риски, связанные с экологией, распространением ядерного оружия или возможностью краха мировой экономики. Другие куда более непосредственно затрагивают нас лично — например, это риски, связанные с питанием, здоровьем и даже браком.

Эпохи, подобные нашей, неизбежно порождают религиозное возрождение и всяческие философии «нового века», направленные против научного взгляда на мир. У некоторых теоретиков-экологов выработалось враждебное отношение к науке и к рациональному мышлению вообще из-за связанных с ними экологических рисков. Но такой подход, в общем, нельзя назвать осмысленным. Без научного анализа мы бы просто никогда не узнали о существовании этих рисков. Однако и относиться к науке по-старому мы по указанным выше причинам тоже не можем и не должны.

Пока у нас нет институтов, позволяющих отслеживать технологические изменения, ни в национальном, ни в глобальном масштабе. Паники из-за губчатого энцефалита в Великобритании и других странах можно было бы избежать, если бы существовал публичный диалог о техническом прогрессе и его проблематичных последствиях. Наличие у общества дополнительных средств воздействия на науку и технику не избавит нас от дилеммы, связанной с обвинениями в паникерстве или сокрытии правды, но, вероятно, позволит свести к минимуму ее наиболее вредные последствия.

Наконец, речь ни в коем случае не идет об однозначно негативном отношении к риску. Риск всегда необходимо обуздывать, но активный риск — важнейший элемент динамичной экономики и прогрессивного общества. Жить в глобальную эпоху — значит иметь дело с множест-

вом новых ситуаций, связанных с риском. И, возможно, нам нередко понадобится смелость, а отнюдь не осторожность в поддержке научных инноваций и других форм перемен. В конце концов, португальское слово «риск» (а именно из португальского языка оно нами было заимствовано) имеет и такое значение — «дерзать».

Традиции

Собираясь по торжественным случаям, связанным с национальными праздниками, шотландцы строго соблюдают традиции. Мужчины надевают юбки-кильты с особым клетчатым узором, свидетельствующим о принадлежности к определенному клану, а все церемонии сопровождаются заунывным звучанием волынок. С помощью этих символов они демонстрируют свою приверженность старинным ритуалам — ритуалам, уходящим корнями в глубокую древность.

На самом деле все обстоит далеко не так. Как и большинство других шотландских символов, перечисленные «знаки отличия» имеют относительно недавнее происхождение. Короткую юбку-кильту, судя по всему, в начале XVIII в. изобрел Томас Роулинсон, промышленник-англишанин из Ланкашира. Он решил сделать традиционную одежду шотландских горцев — хайлендеров более удобной для фабричного труда.

Килыга стала продуктом промышленной революции. При этом задача здесь была не в том, чтобы сохранить освященные веками традиции, а как раз наоборот — вытаскивать горцев из вересковых пустошей и заманить их на фабрики. В момент своего появления килыга вовсе не являлась национальной одеждой шотландцев. Жители равнин-лоулендеры, составлявшие подавляющее большинство населения Шотландии, считали традиционную одежду горцев варварской: большинство из них относились к ней с некоторым презрением. Аналогичным образом, многие из употребляемых ныне клановых узоров были разработаны в викторианскую эпоху предприимчивыми портными, точно угадавшими тенденции рыночного спроса.

Большинство из того, что мы считаем традиционным, уходящим во мгу веков, на самом деле существуют в лучшем случае лет двести, а то и гораздо меньше. Пример с шотландской килыгой я взял из знаменитой книги историков Эрика Хобсбаума и Теренса Рейнджера под названием *«Изобретение традиций»*. Они приводят примеры выдуманных традиций, относящиеся к множеству разных стран, включая колониальную Индию.

В 1860-х гг. британцы предприняли ряд археологических экспедиций для выявления величайших исторических памятников Индии и сохранения индийского «наследия». Считая, что местное искусство и ремесло находятся в упадке, они занялись сбором артефактов для хранения в музеях. До 1860 г., к примеру, солдаты-индусы, как и британцы, носили европейскую форму. Но с точки зрения британцев, индусы должны были выглядеть как индусы. Поэтому для них разработали новую парадную форму с тюрбанами, кушаками и «подлинно индийскими» мундирами. Некоторые из этих выдуманных или по-

дувыдуманных традиций бытуют в Индии и по сей день, хотя часть из них, конечно, не прижилась.

Традиции и обычаи определяли жизнь большинства людей на протяжении большей части истории. Тем более удивительно, как мало интереса проявляют к ним ученые и мыслители. Идут бесконечные дискуссии о процессах модернизации и о том, что означает понятие «современный», но о традициях речь заходит очень редко. Когда я собирал материалы для этой главы, мне попадались десятки научных трудов на английском языке, в названии которых упоминалось слово «современность» — некоторые из них написал я сам. Но мне удалось обнаружить лишь пару книг, специально посвященных традициям.

Дурную репутацию понятие «традиция» приобрело в XVIII в., в эпоху европейского Просвещения. Один из крупнейших ее мыслителей, барон Поль Гольбах, выразился следующим образом:

«Пусть учителя больше не заставляют людей обращать взгляд к небесам, пора им наконец опустить его на землю. Позволим человеческой мысли, уставшей от непостижимой теологии, смехотворных небылиц, неразгадываемых загадок, ребяческих церемоний, обратиться к изучению природы, к доступным пониманию предметам, осмысленным истинам и полезному знанию. Стоит избавить людей от пустых химер, и разумные суждения вскоре сами собой возникнут в умах, казалось бы, обреченных вечно ошибаться».

Ясно, что Гольбах и не собирался всерьез заняться вопросом о традициях и их роли в обществе. Традиции здесь — лишь теневая сторона современности, выдуманная конструкция, которую можно легко устранить. Если мы хотим по-настоящему понять, что такое традиции, то

не должны рассматривать их как простое заблуждение. Слово «традиция» имеет давнее лингвистическое происхождение. Его корни лежат в латинском понятии *tradere*, что означало «передавать», отдать что-то другому на хранение. Первоначально слово *tradere* употреблялось в римском праве применительно к законодательству о наследстве. Собственность, переходившая от одного поколения к другому, как бы «сдавалась на хранение» — наследник обязан был ее беречь и лелеять.

Может показаться, что понятие «традиция», в отличие от килт и вольток, существует уже много столетий. Но внешность вновь оказывается обманчивой. Слово «традиция» в его сегодняшнем понимании возникло в Европе в последние двести лет. Подобно концепции риска, на которой я останавливался в предыдущей главе, в Средние века общего понятия традиции просто не существовало. Оно было просто ненужным именно потому, что традиции и обычаи окружали людей повсюду.

Таким образом, сама идея традиции — порождение Нового времени. Это не означает, что его нельзя употреблять применительно к более ранним периодам или к цивилизациям, не относящимся к Западному миру, но к анализу этого понятия, несомненно, надо подходить с осторожностью. Отождествляя традиции с догмами и невежеством, философы-просветители стремились оправдать свою собственную озабоченность новизной.

Но если мы избавимся от предубеждений эпохи Просвещения, то как нам следует понимать слово «традиция»? Начать стоит с возвращения к вопросу об изобретении традиций. Выдуманные традиции и обычаи, по мнению Хобсбаума и Рейнджера, не являются подлинными. Они созданы искусственно, а не возникли спонтанно, их использовали как инструмент власти, и они не существовали с незапамят-

ных времен. Любая заложенная в них преемственность по отношению к давнему прошлому является ложной.

Я бы хотел переосмыслить их аргументы. Все традиции, и я это утверждаю, являются выдуманными. Ни одно из традиционных обществ не было традиционным от начала и до конца, а причин для изобретения традиций и обычаев существует множество. Не следует думать, что намеренное создание традиций характерно лишь для Нового и Новейшего времени. Более того, в любых традициях присутствует элемент власти, созданы они искусственно или нет. Короли, императоры, священники издавна занимались изобретением традиций, выгодных для себя и придающих их положению легитимность.

Мнение о том, что традиции не подвластны переменам — просто миф. Традиции не только со временем эволюционируют, но и подвержены резкому, внезапному изменению и трансформации. Если можно так выразиться, они все время изобретаются заново.

Конечно, некоторые традиции, например те, что связаны с великими религиями мира, существуют уже много столетий. Скажем, основные предписания ислама, которым следует большинство мусульман, остаются в общем неизменными уже очень долгое время. Однако присутая таким доктринам преемственность сочетается с многочисленными, порой революционными, изменениями в области их истолкования и практической роли как руководства к действию. Традиций «в чистом виде» просто не бывает. Как и все мировые религии, ислам черпал идеи из невообразимого множества культурных источников — т. е. других традиций. Это относится и к Османской империи в целом: за долгие годы она испытала влияние арабской, персидской, греческой, римской, берберской, турецкой, индийской и других культур.

Было бы просто неверным полагать, будто то или иное сочетание символов и действий является традиционным лишь в том случае, если они имеют многовековую историю. Ежегодные рождественские радиообращения королевы в Великобритании уже стали традицией. Однако такая практика существует лишь с 1932 г. «Срок давности» не является определяющей чертой традиции и ее более распространенного собрата, обычая. Отличительные характеристики традиции — это ритуальность и повторяемость. Традиции неизменно являются принадлежностью группы, сообщества, коллектива. Индивид может следовать традициям и обычаям, но традиции, в отличие от привычек — не относятся к свойствам индивидуального поведения.

Традиции отличаются тем, что они определяют некие истины. Человек, следующий традиционному образу действий, не задается вопросом об альтернативных вариантах. Как бы они ни менялись, традиции являются руководством к действию, как правило, не вызывающим сомнений. У традиций обычно имеются хранители — старейшины, священники, мудрецы. Хранители — не то же самое, что знатоки традиций. Своим положением и властью они обязаны тем, что только они способны толковать ритуальную истину традиции. Только они способны расшифровать подлинный смысл священных текстов или других символов, являющихся принадлежностью коллективного ритуала.

Просветители намеревались покончить с властью традиций. Это удалось лишь отчасти. В большинстве стран Европы влияние традиций и в новое время еще долго оставалось сильным, а во многих других регионах мира — еще более укрепились. Многие традиции были «изобретены заново»; наряду с ними возникли новые. Отдельные группы общества предпринимали согласованные усилия по сохранению и адаптации прежних традиций. В конце

концов, ведь именно в этом состояла и состоит суть консервативной философии. Традиция, вероятно, является главной концепцией консерватизма, ведь по мнению консерваторов, в ней содержится накопленная мудрость поколений.

Еще одна причина устойчивости традиций в промышленно развитых странах заключалась в том, что институциональные изменения, связанные с модернизацией, в основном коснулись общественных структур — особенно управленческих и экономических. Во многих других сферах жизни, включая и повседневность, традиционный образ действий либо сохранился, либо утвердился заново. Можно даже говорить о некоем симбиозе между модернизацией и традициями. Так, в большинстве стран все, что было связано с семьей, сексуальностью и различием между полами, по-прежнему оставалось под преобладающим воздействием традиций и обычаев.

Сегодня, под влиянием глобализации, и в этой сфере происходят изменения, состоящие из двух главных элементов. В Западных странах не только общественные институты, но и повседневная жизнь освобождается от влияния традиций. В других, более традиционных обществах, идет процесс «детрадиционализации». На мой взгляд, именно на этой основе формируется глобальное космополитическое общество, о котором я уже упоминал.

Это общество возникает в эпоху, когда природе наступил конец. Другими словами, лишь немногие аспекты физического мира сохранили свой естественный, природный характер — не подверглись вмешательству человека. Но в эту эпоху наступил и конец традициям. Конец традиций не означает их исчезновения, о котором мечтали мыслители эпохи Просвещения. Наоборот, в измененных формах они по-прежнему пышным цветом цветут по-

всюду. Но, если можно так выразиться, этим традициям следуют все менее традиционным способом. Традиционный способ означает отстаивание традиционного образа действий с помощью его собственных ритуалов и символики — защита традиций с помощью их собственных претензий на истинность.

Но в сегодняшнем мире модернизация не ограничивается каким-то одним географическим регионом — она существует в глобальном масштабе, и с точки зрения традиций это приводит к целому ряду последствий. Традиции и наука порой вступают в соприкосновение самым необычным и интересным способом. Возьмем хотя бы напущенный случай, который произошел в Индии в 1995 г. — тогда божества в некоторых индуистских храмах будто бы начали пить молоко. В тот же день несколько миллионов человек, не только в самой Индии, но и по всему миру, поставили чашки с молоком перед образами богов. Дени Виналь, антрополог, исследовавший этот случай, отмечает:

«...индуистским божествам одновременно дано минимальное представление о себе во всех странах мира, где проживают индусы. Возможно, удалось совершить первое чудо в наше время, случившееся под знаком глобализации».

Не менее интересно и другое — как верующие, так и неверующие считали необходимым проведение научных экспериментов для подтверждения случившегося чуда. Наука была призвана на помощь вере.

Подобные примеры говорят о том, что традиции не только живы, но и возрождаются. И все же часто традиции отступают перед современностью, в некоторых случаях это происходит по всему миру. Традиция, лишенная содержания и подвергшаяся коммерциализации, превращается либо в часть исторического наследия, либо

в китч — безделушку из сувенирного магазина в аэропорту. В исполнении туристской индустрии наследие — это традиция, превращенная в спектакль. Возможно, восстановленные и заново отделанные здания, посещаемые туристами, и выглядят великолепно, и, возможно, они до мельчайших деталей соответствуют первоначальному облику. Но сохраненные таким образом исторические памятники лишаются плоти и крови — традиций, связи с опытом повседневной жизни.

На мой взгляд, было бы разумным признать, что любое общество нуждается в традициях. Не следует соглашаться с идеей просветителей о том, что мир должен полностью избавиться от традиций. Традиции необходимы, они будут существовать всегда, ведь они придают жизни тресменность и форму. Возьмем, к примеру, науку. Каждый ученый работает в рамках традиций. Даже целые научные дисциплины, вроде экономики, социологии или философии, обладают собственными традициями. Причиной этого в том, что человек не способен работать в чисто эклектической манере. Без интеллектуальных традиций идеи теряли бы четкость и направление.

Однако неотъемлемой частью научной жизни является непрерывное исследование пределов этих традиций и поощрение их активного взаимодействия. Традиции прекрасны, можно отстаивать нетрадиционным способом — и в этом кроется их будущее. Ритуалы, церемониалы и повторимость играют важную социальную роль — это хорошо понимают большинство организаций, в том числе правительства, и поступают соответственно. Традиции будут и далее поддерживаться настолько, насколько они реально оправданы, — не с точки зрения их собственных внутренних ритуалов, а в сравнении с другими традициями и образом действия.

Это относится и к религиозным традициям. Религию как правило связывают с идеей веры, неким эмоциональным скачком к убежденности. Но в космополитическом мире люди больше, чем когда-либо раньше, вступают в регулярный контакт с другими, чье мышление отлично от их собственного. Им приходится обосновывать свои убеждения, хотя бы косвенно, как перед собой, так и перед другими. В обществе, переживающем процесс дестрадиционализации для сохранения религиозных ритуалов и обрядов необходимы существенные рациональные основания. И именно так это и должно быть.

Однако, по мере того, как роль традиции меняется, наша жизнь приобретает новую динамику. Ее можно определить как дилемму между свободой действий и зависимостью, с одной стороны, и между космополитизмом и фундаментализмом — с другой. Там, где традиции отступают, нам приходится жить в условиях большей открытости и самостоятельности. В обстановке автономии и свободы скрытую власть традиций заменяет более открытая дискуссия и диалог. Но эти свободы несут с собой иные проблемы. Общество, живущее «по ту сторону» природы и традиций, — а именно к этой категории относятся практически все Западные страны — требует от человека самостоятельных решений, в том числе и в повседневной жизни. Но темной стороной самостоятельных решений становится усиление непреодолимой зависимости. Здесь происходит нечто весьма интригующее, но и тревожное. В основном этот феномен характерен для развитых стран, но наблюдается и среди зажиточных слоев населения по всему миру. Я имею в виду распространение непреодолимой зависимости как идеи и реального явления. Первоначально понятие «зависимость» относилось лишь к алкоголизму и наркомании. Но сейчас оно может коснуться лю-

бой сферы деятельности. Человек может испытывать такую же зависимость от работы, физкультуры, еды, секса — даже любви. Причина заключается в том, что эти сферы жизни, как и остальные, сегодня гораздо меньше, чем прежде, регулируются традициями и обычаями.

Подобно традиции, зависимость связана с влиянием прошлого на настоящее; и, как и в случае с традициями, ключевую роль здесь играет повторяемость. В данном случае речь идет об индивидуальном, а не коллективном прошлом, и повторяемость вызвана беспокойством. На мой взгляд, зависимость — это «замороженная» самостоятельность. В любом контексте дестрадиционализация открывает возможность для большей свободы действий, чем это было прежде. Речь здесь идет об освобождении человека от ограничений прошлого. Зависимость вступает в действие, когда выбор, который должен определяться самостоятельностью, подрывается беспокойством. В рамках традиции прошлое определяет настоящее через приверженность коллективным убеждениям и ощущениям. Но человек, попавший в зависимость — тоже раб прошлого, однако по другой причине: он не может порвать с привычками и образом жизни, которые некогда выбрал по доброй воле.

Когда влияние традиций и обычаев в мировом масштабе ослабевает, меняется и сама основа самоидентификации — ощущения себя как личности. В более традиционных условиях ощущение себя как личности поддерживалось за счет стабильности социального положения индивида в рамках сообщества. Когда традиции теряют силу, и преобладает свободный выбор образа жизни, это не может не затронуть и ощущение человеком себя как личности. Он должен гораздо активнее, чем раньше, создавать и воссоздавать собственную идентичность. Поэтому-то психотерапия во всех ее разновидностях и пользует-

ется такой популярностью на Западе. Закладывая основы современного психоанализа, Фрейд полагал, что создаст научную методику лечения неврозов. На самом же деле он по сути выработывал метод обновления идентичности на ранней стадии процесса деградиционализации.

В конце концов, психоанализ состоит в том, что человек возвращается в собственное прошлое, чтобы приобрести большую самостоятельность в будущем. Во многом аналогичным образом действуют и группы «самопомощи», ставшие обыденным явлением в западном обществе. На собраниях «анонимных алкоголиков», к примеру, человек рассказывает историю собственной жизни и получает поддержку от остальных присутствующих, заявляя о своем желании измениться. Он избавляется от непреодолимой зависимости в основном благодаря тому, что «пересписывает» сюжет собственной жизни.

Борьба между зависимостью и самостоятельностью — это один полюс глобализации. Другой — столкновение между космополитическим мировоззрением и фундаментализмом. Может показаться, что фундаментализм существовал всегда. Это не так. Он возник в ответ на влияние глобализации, которое мы ощущаем повсюду. Сам термин появился на рубеже XX в. применительно к взглядам некоторых протестантских сект в США, особенно тех, что не признавали учение Дарвина. Но даже в Большом оксфордском словаре английского языка, изданном в конце 1950-х гг., еще не было слова «фундаментализм». Лишь в 1960-х гг. оно стало общеупотребительным.

Фундаментализм не надо путать с фанатизмом и авторитаризмом. Фундаменталисты призывают вернуться к древним заветам или священным текстам, прочесть их буквально и предлагают применять доктрины, выработанные на основе такого прочтения, к социальной, эко-

номической и политической жизни. Фундаментализм придаст хранителям традиций новый импульс и значение. Ведь только им доступен «точный смысл» текстов. Духовенство или другие избранные толкователи приобретают как светскую, так и религиозную власть. Они могут попытаться напрямую взять в свои руки бразды правления государством — как это произошло в Иране — или действовать совместно с политическими партиями.

Фундаментализм — противоречивое понятие, ведь многие из тех, кого другие называют фундаменталистами, ни за что не согласятся, что оно относится к ним. Так можно ли найти в нем объективный смысл? Думаю можно, и я бы определил его следующим образом. Фундаментализм — это традиции в осаде. Это традиции, которые отстаиваются традиционным способом — ссылками на ритуальную истину — в условиях глобализующегося мира, требующего разумных обоснований. Таким образом, фундаментализм не имеет ничего общего с контекстом убеждений, религиозных или атеистических. Главное здесь то, каким образом истинность этих убеждений отстаивается и утверждается.

Фундаментализм касается не самих убеждений, а, как и традиции в целом, того, почему люди в чем-то убеждены и как обосновывают свои убеждения. Дело здесь не ограничивается религией. Китайских хунвейбинов с их приверженностью цитатнику Мао несомненно можно назвать фундаменталистами. Далекое не главным элементом фундаментализма является и сопротивление традиционных культур процессу вестернизации — неприятие западного «упадничества». Фундаментализм произрастает на почве любых традиций. Он связан с нежеланием тратить время на то, чтобы попытаться понять неоднозначность, множественность толкований или идентичности, —

это отказ от диалога в мире, где спокойствие и будущее именно от диалога и зависят.

Фундаментализм — дитя глобализации. Он одновременно является реакцией на нее и методом ее эксплуатации. Почти везде фундаменталистские группы широко пользуются новыми коммуникационными технологиями. До прихода к власти в Иране аятолла Хомейни распространял видео- и аудиозаписи своих проповедей. Боевики из организации «Хиндутвана» активно используют Интернет и электронную почту для создания «ощущения индусской идентичности».

Какие бы формы он ни принимал — религиозные, этнические, националистские или непосредственно политические — фундаментализм, на мой взгляд, следует рассматривать как сложную проблему. Он неразрывно связан с возможностью насилия и враждебен космополитическим ценностям.

И все же фундаментализм — не только антитеза глобалистской современности: он ставит перед ней ряд вопросов. Главный из них таков: способны ли мы жить в мире, где нет ничего святого? В качестве вывода могу сказать, что, на мой взгляд, нет, не способны. Космополиты, к которым я себя причисляю, должны ясно дать понять, что терпимость и диалог как таковые могут основываться на ценностях, разделяемых всеми.

Всем нам необходимы нравственные убеждения, которые выше мелких забот и дрызг повседневности. Мы должны быть готовы активно отстаивать эти ценности, если они плохо приживаются или оказываются под угрозой. Сама космополитическая мораль должна вдохновляться страстью. Нам всем было бы незачем жить, если бы у нас не было того, за что стоит умереть.

Семья

Из всех перемен, происходящих в мире, важнее всего те, что затрагивают нашу личную жизнь — секс, любовные отношения, брак и семью. Сегодня наше восприятие самих себя и характер наших связей и контактов с другими людьми переживают глобальную революцию. В различных регионах и культурах эта революция идет неравномерно, она встречает сопротивление с самых разных сторон.

Как и во всем, что связано с «ускользающим миром», мы и здесь не можем знать, каким образом сложится баланс между преимуществами и проблемами. В чем-то эти преобразования идут сложнее и внушают больше тревог, чем любые другие. Большинство из нас способны на долгое время отключаться от «больших» вопросов — это одна из причин, почему так трудно наладить сотрудничество для их решения. Но когда вихрь перемен захлестывает самые

главные сферы нашей эмоциональной жизни, уклониться от него просто невозможно.

В подавляющем большинстве стран мира идут бурные споры о равноправии полов, регулировании в вопросах секса и будущем семьи. А если эти вопросы не обсуждаются в открытую, главной причиной является активное подавление таких дискуссий со стороны авторитарных режимов и фундаменталистских групп. Во многих случаях эти противоречия носят национальный или локальный характер — как и реакция, которую они вызывают в обществе и политических кругах. Политики и «группы давления» утверждают: стоит лишь изменить политику в отношении семьи в их стране, затруднить или, наоборот, облегчить развод, и сразу найдутся решения для всех наших проблем.

Но преобразования, затрагивающие личную и эмоциональную сферы, намного превосходят масштаб любой отдельной страны, даже такой большой, как Соединенные Штаты. Почти везде мы наблюдаем одни и те же тенденции — отличие между ними состоит лишь в степени развития и культурном контексте, в котором они происходят.

В Китае, к примеру, государство обдумывает меры, затрудняющие развод. После «культурной революции» в стране были приняты весьма либеральные законы о браке. Согласно этим законам брак рассматривается как некое подобие трудового соглашения, которое можно разорвать «по обоюдному желанию мужа и жены». Развод может последовать даже вопреки воле одного из партнеров, если супружеская пара больше не испытывает «взаимной привязанности». Срок ожидания составляет всего две недели, после чего супруги выплачивают сумму, равную четырем долларам и считаются свободными. Количество разводов в Китае по-прежнему меньше, чем в западных странах, но оно быстро растет — это относится и к другим

развивающимся странам Азии. В китайских городах не только развод, но и гражданский брак становится все более обычным. Однако в сельской местности, где проживает большая часть населения страны, дело обстоит совершенно по-иному. Семья и брак носят гораздо более традиционный характер — даже несмотря на государственную политику ограничения рождаемости, сочетающую стимулы с карательными мерами. Брак заключается по уговору между двумя семьями — это соглашение не столько между женихом и невестой, сколько между их родителями. В результате исследований, проведенных недавно в провинции Ганьсу, отличающейся низким уровнем экономического развития, выяснилось, что 60% браков по-прежнему устраивают родители. Как говорит китайская пословица: «Один раз встретились, кивнули головой и поженились». Модернизация Китая идет зигзагообразно. Многие из тех, кто сегодня разводится в городах, поженились еще в сельской местности именно таким традиционным способом.

В Китае много говорят о защите семьи. Во многих западных странах накал страстей еще выше. Семья — это поле боя между традициями и современностью, но это также метафорический образ и того и другого. Утрата «семейного очага» вызывает пожалуй большую ностальгию, чем исчезновение любого другого института, уходящего корнями в прошлое. Политики и активисты различных движений беспрестанно ставят диагноз о крушении семьи и призывают вернуться к ее традиционным формам.

«Традиционная семья» — это во многом обобщенная категория. В разных обществах и культурах существовало множество разновидностей семейных и родственных связей. Структура семьи в Китае, например, всегда отличалась от ее западных форм. В большинстве европейских стран брак по уговору между родителями никогда не был так рас-

пространен, как в Китае и Индии. Тем не менее, во всех «несовременных» культурах семья имела и имеет некоторые общие черты.

Традиционная семья представляла собой в первую очередь экономическую ячейку. Все члены крестьянской семьи как правило были заняты в сельскохозяйственном производстве, а у дворян и высшей аристократии главные причины брака были связаны с приобретением собственности. В средневековой Европе плотская любовь не была основой для брака, и не предполагалось, что в браке подобная любовь должна расцвести. Как выразился французский историк Жорж Дюби, брак в Средние века не был связан с «легкомыслием, страстью или фантазией».

Неотъемлемой чертой традиционной семьи было неравноправие мужчин и женщин. Но, по-моему, значение этого не стоит преувеличивать. В Европе женщины считались собственностью мужей или отцов — «движимым имуществом» согласно юридическому определению. Неравенство мужчин и женщин, естественно, распространялось и на сексуальную жизнь. Двойные стандарты в области секса были напрямую связаны с обеспечением продолжения рода и наследованием собственности. На протяжении большей части истории человечества мужчины сплошь и рядом, и порой совершенно в открытую, имели любовниц, пользовались услугами куртизанок и проституток. Представители зажиточных слоев заводили любовные интрижки со служанками. Но мужчинам необходимо было иметь детей от законных жен. В девушках из уважаемых семей ценилось целомудрие, а в женах — постоянство и верность.

В традиционной семье права были лишены не только женщины, но и дети. Идея о законодательном закреплении прав детей по историческим меркам имеет относительно

недавнее происхождение. До начала современной эпохи, да и сегодня в рамках традиционных культур, детей воспитывали и воспитывают не ради их самих, а ради удовлетворения родителей. Можно сказать, что фактически ребенок не считался личностью. Это, конечно, не означает, что родители не любили своих детей, но о детях заботились не столько ради их самих, сколько ради вклада, который они вносили в общую экономическую деятельность семьи. Более того, детская смертность была ужасающей. В Европе и Америке XVII в. почти четверть новорожденных умирали во младенчестве. А почти 50% детей не доживали до десятилетнего возраста.

За исключением некоторых придворных или элитарных групп, в традиционной семье сексуальность была неизменно подчинена продолжению рода. Традиции здесь сочетались с естественными факторами. Отсутствие эффективных средств контрацепции приводило к тому, что для большинства женщин секс неизбежно был тесно связан с деторождением. Во многих традиционных культурах, в том числе и в Западной Европе до начала XX в., женщина за свою жизнь могла рожать по десять и более раз.

По вышеупомянутым причинам в сексуальной сфере господствовала идея женской добродетельности. Часто считается, что этот двойной стандарт является порождением викторианской Англии. На деле же он, в той или иной форме, занимал центральное место во всех «несовременных» обществах. Он был связан с дуалистским взглядом на женскую сексуальность — четкой границей между «порядочной женщиной» с одной стороны, и «распутной» с другой. Во многих культурах тяга к сексуальным приключениям воспринималась как позитивный атрибут мужественности. В образе Джеймса Бонда восхищение вызывали и вызывают не только его шпионские, но и сексуальные

подвиги. Однако у женщины склонность к сексуальным приключениям, напротив, почти всегда считалась чем-то неприличным, независимо от того, каким влиянием пользовались любовницы некоторых высокородных персон.

Отношение к гомосексуализму также определялось сочетанием традиций и естественных факторов. Как показывают антропологические исследования, гораздо больше культур, чем считалось ранее, отличались терпимым или однозначно одобрительным отношением к однополрой любви — по крайней мере между мужчинами. К примеру, в некоторых обществах вступление мальчиков в гомосексуальную связь со зрелыми мужчинами поощрялась как своего рода форма сексуального обучения. Предполагалось, что подобные отношения прекратятся после помолвки или женитьбы юноши. В обществах, где к гомосексуализму относились враждебно, его как правило осуждали как нечто противосущественное. На Западе это отношение было одним из самых экстремистских: еще полвека назад гомосексуальность в обществе рассматривалась как извращение и подобным же образом оценивалась в учебниках по психиатрии.

Конечно, антагонизм в отношении гомосексуальности по-прежнему распространен, и многие — как мужчины, так и сами женщины — все еще придерживаются дуалистского взгляда на женщин. Однако за последние десятилетия сексуальная жизнь на Западе изменилась самым радикальным образом. Отделение секса от деторождения в принципе уже завершилось. Теперь сексуальность — это то, что человек открывает в себе, развивает, меняет. Секс, ранее определявшийся только с точки зрения брака и законности, теперь почти не ассоциируется с этим. Более позитивное отношение к гомосексуализму не следует рассматривать исключительно как дань либеральной толерантности. Это прямое

следствие отделение секса от продолжения рода. Когда секс лишен «сверхзадачи», в нем по определению не может господствовать только гетеросексуальность.

То, что понимают под «традиционной семьей» ее защитники на Западе, на самом деле представляет собой поздний, переходный этап развития института семьи, относящийся к 1950-м гг. В то время число работающих женщин было еще относительно невелико, а получить развод, особенно для женщины, и не заслужить при этом позорного клейма — довольно трудно. Однако к тому времени мужчины и женщины пользовались равными правами в большей степени, чем прежде, как фактически, так и юридически. Семья уже не была экономическим объединением, и на смену «экономическому соглашению» в качестве основы брака пришла идея романтической любви. С тех пор семья изменилась еще больше.

В разных обществах могут быть свои особенности, но одни и те же тенденции можно наблюдать практически во всех промышленно развитых странах. Семьи, считавшиеся «стандартными» в 1950-х гг., — когда оба родителя живут вместе с детьми, рожденными в браке, мать является домохозяйкой, а отец — кормильцем, — сегодня составляют меньшинство. В некоторых странах более трети детей рождается вне брака, а процент одиноких резко возрос и скорее всего будет увеличиваться и дальше. В некоторых обществах, например в американском или британском, брак по-прежнему весьма популярен — их с полным основанием называют обществами с высоким уровнем разводов и браков. С другой стороны, в Скандинавии большой процент людей, живущих вместе, даже если у них есть общие дети, не вступают в официальный брак. Около четверти женщин от 18 до 35 лет в США и Европе заявляют, что не намерены иметь детей, — и похоже, они говорят это серьезно.

Во всех странах семья по-прежнему отличается разнообразием форм. В США многие, особенно недавние эмигранты, продолжают придерживаться традиционных ценностей. Однако жизнь большинства семей изменилась с распространением такого явления как «пара» и жизнь в составе пары. Брак и семья превратились, согласно моему определению из главы 1, в «институты-пустышки»: названия у них прежние, а основное внутреннее содержание изменилось. В традиционной семье супружеская пара была лишь частью, и зачастую не самой главной частью, ее структуры. Связи с детьми и другими родственниками в повседневной общественной жизни имели не меньшее, а то и большее значение. Сегодня именно пара, состоящая в официальном браке или нет, является ядром семьи. Пара заняла центральное место в семейной жизни по мере снижения эконоимической роли семьи и превращения любви, а точнее — любви и сексуального влечения, в основу заключения брачных уз.

Однажды образовавшаяся пара имеет собственную, особую историю, собственную биографию. Это ячейка, основанная на эмоциональной связи или близости. Идея близости, как и множество других известных понятий, о которых я говорил в этой книге, звучит как древняя, но на деле весьма нова. Никогда в прошлом брак не основывался на близости — эмоциональном контакте, который, несомненно, был важным элементом удачного брака, но не его фундаментом. Контакт — это способ установить саму связь и главное основание для ее продолжения.

Мы должны осознать все значение этих перемен. Сегодня более удачным определением происходящего в личной жизни является «образование и расторжение пар», чем «брак и создание семьи». Теперь для нас более важен не вопрос «женаты ли вы?», а «есть ли у вас с кем-нибудь

отношения?». Идея отношений также на удивление нова. В 1960-х гг. об «отношениях» никто не говорил. Это было просто незачем, как незачем было говорить о близости и обязательствах. Брак в то время *и был* обязательством, о чем свидетельствовали и вынужденные браки.

В традиционной семье брак был своего рода естественным состоянием. Считалось, что через этот жизненный этап должно пройти подавляющее большинство людей, как мужчин, так и женщин. На тех, кто оставался вне брака, смотрели с некоторой издевкой или снисходительно — особенно на старых дев, но и на холостяков тоже, если они задерживались в этом состоянии слишком долго.

Если с точки зрения статистики брак по-прежнему остается нормой, то смысл брака для большинства людей полностью или почти полностью изменился. Брак означает, что у пары стабильные отношения, и она намерена укреплять эту стабильность, раз публично заявляет о своих обязательствах друг перед другом. Однако брак уже не является главной, определяющей основой совместной жизни.

Положение детей в сложившейся ситуации представляет большой интерес и выглядит несколько парадоксальным. За последние несколько поколений наше отношение к детям и защите детей изменилось радикальным образом. Мы так высоко ценим детей отчасти из-за того, что их у нас теперь рождается меньше, а отчасти потому, что решение завести ребенка сегодня означает нечто совсем иное, чем оно означало для прошлых поколений. В традиционной семье наличие детей приносило экономическую выгоду. Сегодня в западных странах, наоборот, воспитание ребенка ложится на родителей тяжелым финансовым бременем. Решение иметь ребенка стало более четким и конкретным, чем раньше, и определяется оно психологическими и эмоциональными потребностями. Наме беспоп-

койство, связанное с влиянием разводов на детей и существованием большого количества семей без отцов следует рассматривать в связи с гораздо более высокими требованиями, предъявляемыми к заботе о детях и их защите.

Существуют три главные сферы, где эмоциональные контакты, а значит и близость, заменяют прежние связи между людьми в личной жизни — сексуальные и любовные отношения, отношения между родителями и детьми, а также дружба.

Для анализа этого вопроса я хотел бы воспользоваться идеей «чистых отношений». Под этим я подразумеваю отношения, основанные на эмоциональном контакте, когда ценность самих этих контактов является достаточной основой для продолжения отношений. Я не имею в виду «чистые» отношения в сексуальном плане. Речь не идет и о том, что такие отношения существуют в реальности. Я говорю об абстрактной идее, помогающей нам понять происходящие в мире перемены. Каждая из сфер, которые я только что назвал, — сексуальные и любовные отношения, отношения между детьми и родителями, дружба — является приближением к этой модели. Эмоциональная связь или близость — вот ключ к их сущности.

Динамика чистых отношений совершенно отличается от более традиционных разновидностей социальных связей. Она зависит от активного доверия — человек раскрывается перед другим. Откровенность — основное условие близости. Чистые отношения носят безоговорочно демократичный характер. Изучая сферу близких отношений, я прочел гору психотерапевтической литературы и пособий по «самопомощи» на эту тему. Меня поразила одна вещь, на мой взгляд, оставшаяся в общем незамеченной и редко упоминаемой. Если посмотреть, что именно с точки зрения терапевта означают хорошие отношения в любой

из трех только что упомянутых сфер, просто удивительно, насколько прямую параллель здесь можно провести с демократией в обществе.

Хорошие отношения — это, конечно, идеал. Обычные отношения в большинстве случаев достаточно далеки от него. Я не пытаюсь утверждать, что наши отношения с супругами, возлюбленными, детьми и друзьями лишены противоречий, конфликтов и неудовлетворенности. Но ведь и демократические принципы — это идеалы, и от реальности их зачастую тоже отделяет немалое расстояние.

Хорошие отношения — это отношения равных, где каждый партнер имеет одинаковые права и обязанности. При таких отношениях партнеры уважают друг друга и желают друг другу самого лучшего. Чистые отношения основываются на контакте, так что здесь особенно важно понимание точки зрения партнера. Беседа или диалог — вот основа, на которой эти отношения действуют. Лучше всего они развиваются, если люди не скрывают друг от друга слишком многого — необходимо взаимное доверие. А доверие должно вырабатываться, оно не возникает как нечто само собой разумеющееся. Наконец, хорошие отношения несовместимы с произволом, принуждением и насилием.

Каждая из этих характеристик соответствует ценностям политической демократии. В демократической системе все в принципе обладают равными правами, а с равенством прав и обязанностей — по крайней мере, в принципе — приходит и взаимное уважение. Один из главных атрибутов демократии — открытый диалог. В демократической системе авторитарное правление или устоявшаяся власть традиций заменяется открытым обсуждением вопросов — публичным пространством для диалога. Но демократия не может функционировать без доверия. И демократия терпит крах, если уступает авторитаризму или насилию.

Применяя эти принципы — в качестве идеалов — к личным отношениям, мы говорим о чем-то очень важном — о возможном возникновении явления, которое я назову демократией чувств в повседневной жизни. Для улучшения качества нашей жизни демократия чувств, по-моему, не менее важна, чем демократия в обществе.

Это относится к отношениям между родителями и детьми в той же степени, что и к другим сферам. Родители и дети не могут, и не должны, быть равноправны в материальном плане. У родителей должна быть власть над детьми — это во всеобщих интересах. И все же их отношения должны в принципе носить характер равноправия. В демократичной семье власть родителей основывается на неписанном соглашении. Родители фактически говорят ребенку: «Если бы ты был взрослым и знал то, что знаю я, ты бы согласился: то, что я прошу тебя сделать, — это для твоего же блага». В традиционных семьях детей должно быть «видно», но не должно быть «слышно». Вероятно, многие родители, доведенные до отчаянья бунтарским нравом своих детей, от всей души желали бы возродить это правило. Но его уже не вернуть, да и не стоит. В рамках демократии чувств ребенок может и имеет право дерзить.

Демократия чувств не означает отсутствия дисциплины или уважения. Она просто ставит их на другую основу. Нечто очень похожее происходило и в политической сфере, когда демократия пришла на смену произволу властей и праву сильного.

Демократия чувств не предусматривает принципиальных различий между гетеросексуальными и однополыми отношениями. Первопроходцами, открывшими мир новых отношений и исследовавшими его возможности, были как раз геи, а не гетеросексуалы. Иначе и быть не могло, ведь

когда гомосексуализм вышел из тени, геи не могли опереться на «нормальный» институт традиционного брака.

Поддержка демократии чувств не означает пренебрежения семейными обязанностями или государственной политикой в отношении семьи. Демократия означает *добровольное принятие на себя не только прав, но и обязательств*, освященных законом. Защита детей должна быть первостепенной задачей законодательства и государственной политики. Родителей следует юридически обязать обеспечивать своих детей до совершеннолетия, независимо от того, какие формы совместной жизни они избирают. Брак больше не является экономическим институтом, но в качестве ритуального обязательства он помогает придать стабильность хрупким отношениям. Если это относится к гетеросексуальным отношениям, то должно касаться и гомосексуальных.

Все это вызывает много вопросов — слишком много, чтобы ответить на них в рамках небольшой главы. Главный из них заключается в том, что я сосредоточил внимание лишь на тенденциях, влияющих на развитие института семьи в западных странах. А как же те регионы, где традиционная семья во многом сохраняется, как, например, в Китае, о чем я говорил в начале главы? Будут ли перемены, которые мы наблюдаем на Западе, приобретать все более глобальный характер?

Я думаю, будут — и уже приобретают. Речь идет не о том, *подвергнутся ли* изменению традиционные формы семьи, а о том, как и когда это произойдет. Рискну пойти еще дальше. Новое явление, которое я назвал демократией чувств, находится на переднем крае борьбы между космополитизмом и фундаментализмом, о которой я говорил ранее. Равноправие полов и сексуальная свобода женщин, несовместимые с традиционной семьей, подвергаются

анафеме со стороны фундаменталистских групп. Более того, противостояние этим тенденциям составляет одну из отличительных черт религиозного фундаментализма по всему миру.

Состояние семьи, в Западных странах и не только, во многом вызывает беспокойство. Утверждать, что любая форма семьи не хуже всех остальных, было бы столь же ошибочно, что и преподносить упадок традиционной семьи как катастрофу. Но давайте перевернем с ног на голову аргументы правых политических и фундаменталистских кругов. Сохранение традиционной семьи — или отдельных ее аспектов — во многих регионах мира вызывает куда большую тревогу, чем ее упадок. Ведь что является важнейшей движущей силой укрепления демократии и экономического развития в бедных странах? Вот именно: равноправие женщин и повышение их образовательного уровня. А что надо изменить, чтобы дать им эти возможности? Прежде всего, традиционную семью.

Равноправие полов — не просто важнейший принцип демократии. Оно необходимо для счастливой и наполненной жизни. Многие из перемен, происходящих с институтом семьи, носят неоднозначный характер и связаны с большими трудностями. Но, как показывают социологические опросы в США и Европе, лишь очень немногие хотят вернуться к традиционной роли мужчин и женщин или к юридически закреплённому неравенству. Если у меня возникает искушение предположить, что может быть, традиционная семья — все же лучшая из всех возможных форм, я вспоминаю то, что мне однажды сказала моя двоюродная бабушка. Ее брак был рекордно долгим: она прожила с мужем более 60 лет. Однажды она поделилась со мной, что все это время она была с ним глубоко несчастлива. Но в ее время выхода просто не было.

Демократия

9 ноября 1989 г. я находился в Берлине, в той его части, что тогда принадлежала ФРГ. Некоторые из присутствующих на заседании, ради участия в котором я и приехал, были из Восточного Берлина. Один из них отсутствовал в начале заседания, но позднее появился в несколько возбужденном состоянии. Он побывал в восточной части города, где ему сказали, что Берлинская стена скоро откроется для прохода.

Наша маленькая группа добралась к стене очень быстро. По приставленным к ней лестницам мы начали взбираться наверх. Но нас оттеснили назад телевизионщики, только что прибывшие на место. Мы должны подняться первыми, сказали они, чтобы снять, как вы взбираетесь по лестницам и оказываетесь на вершине стены. Им даже удалось уговорить некоторых спуститься и залезть наверх еще раз, чтобы получить хорошую телевизионную картинку.

Так делается история в последние годы XX в. Телевизионщики не только первыми прибывают на место, но и режиссируют весь спектакль. В какой-то степени, как я покажу далее, их съемочные группы имели право проталкиваться в первые ряды. Ведь телевидение сыграло важную роль не только в том, чтобы Берлинская стена пала, но и вообще в демократических преобразованиях, произошедших в Восточной Европе в 1989 г. Движущей силой революций 1989 г. была демократия или народоправие. А распространению демократии, как я постараюсь продемонстрировать, в последнее время сильно способствовало развитие глобальных коммуникаций.

Демократия — вероятно самая мощная и вдохновляющая из идей XX в. Сегодня в мире осталось совсем немного государств, не называющих себя демократическими. Бывший Советский Союз и его восточноевропейские сателлиты определяли себя как «страны народной демократии», а коммунистический Китай называется так и сегодня. В буквальном смысле единственными государствами, открыто заявляющими о своей недемократичности, остаются последние полуфеодалные монархии, вроде Саудовской Аравии, — да и они скорее всего не смогут не испытать влияния демократических тенденций.

Что такое демократия? Это спорный вопрос, и на него дается множество разных ответов. Я вкладываю в это понятие следующий смысл: демократия — это система, связанная с реальным соревнованием политических партий в борьбе за власть. В демократическом государстве проводятся регулярные и честные выборы, в которых каждый гражданин имеет право принять участие. Эти права на участие в демократическом процессе сочетаются с гражданскими свободами — свободой самовыражения и дискус-

сии, а также свободой создавать политические группировки и вступать в них.

Демократии чужд принцип «все или ничего». Существуют различные формы и различная степень демократизации. Демократия в Великобритании и Соединенных Штатах, к примеру, носит во многом различный характер. Один британец, путешествовавший по США, как-то спросил у своего спутника-американца: «Как же вы терпите, что вами управляют люди, которых вы бы никогда не пригласили на ужин?», на что американец ответил: «А как вы терпите, что вами управляют люди, которые никогда не пригласили бы на ужин вас?»

Сегодня всякий называет себя демократом, но так было далеко не всегда. В XIX в. демократические идеи встречали яростное сопротивление со стороны традиционных элит и правящих групп и зачастую подвергались осмеянию. Идеал демократии вдохновил Американскую и Французскую революции, но долгое время на практике ее распространение было ограниченным. Лишь меньшинство населения обладало правом голоса. Даже некоторые из самых горячих сторонников демократической системы правления, вроде политолога и философа Джона Стюарта Милля, утверждали, что ее необходимо ограничивать. Согласно рекомендациям Милля, некоторые категории избирателей должны были иметь больше голосов, чем другие, чтобы, по его словам, «более мудрые и талантливые» обладали большим влиянием, чем «невеселенные и менее способные».

Полного развития демократия на Западе достигла лишь в XX в. До первой мировой войны женщины имели избирательные права лишь в четырех странах — Финляндии, Норвегии, Австралии и Новой Зеландии. В Швейцарии женщины получили право голоса лишь в 1974 г.

Более того, в некоторых странах, позднее ставших полностью демократическими, случались рецидивы авторитаризма. С 1930-х по 1970-е гг. Германия, Италия, Австрия, Испания и Португалия в разное время пережили периоды авторитарного правления или военной диктатуры. За пределами Европы, Северной Америки, Австралии и Новой Зеландии, лишь в очень немногих странах, вроде Коста-Рики в Латинской Америке, существовали устойчивые демократические режимы.

Однако за несколько последних десятилетий ситуация во многом изменилась, и самым существенным образом. С середины 1970-х гг. количество демократических государств в мире увеличилось более чем вдвое. Демократия победила в 30 с лишним странах, а все существующие демократические государства сохранили эту систему правления в неизменности. Эти перемены начались в средиземноморских странах Европы с падением военных режимов в Греции, Испании и Португалии. Затем, в основном в начале 1980-х, демократия утвердилась в ряде южноамериканских или латиноамериканских стран. Примерно в 12 государствах, включая Бразилию и Аргентину, была установлена или восстановлена демократическая система управления.

Этот процесс продолжается, охватывая все континенты. Вслед за переходом к демократии Восточной Европы и части бывших республик СССР после 1989 г. их примеру последовал ряд африканских стран. В Азии, несмотря на определенные проблемы и случаи «отката назад», демократизация продолжалась в течение всего периода с начала 1970-х гг. -- в таких странах, как Южная Корея, Тайвань, Финляндия, Бангладеш, Таиланд и Монголия. Индия с момента обретения независимости в 1947 г. оставалась демократическим государством.

Конечно, некоторые страны, вступившие на путь демократии, еще далеки от полной демократизации или, кажется, остановились на полдороге. Одним из многочисленных примеров в этом отношении является Россия. В других странах просто возвращаются к тому, что уже существовало раньше. В Аргентине и некоторых других латиноамериканских странах уже были демократические режимы, а в Восточной Европе это же можно сказать о Чешской Республике и Польше. Поскольку демократические правительства столь часто свергались, мы не можем с уверенностью сказать, насколько устойчивыми окажутся эти демократические перемены. И все же с 1960-х гг. демократия продвинулась вперед почти настолько же, что и за предыдущие сто лет. Почему?

Одно из возможных объяснений предлагают сторонники идеи о торжестве западной модели — сочетания демократии со свободной рыночной экономикой. Оно заключается в том, что остальные системы управления просто не прошли испытания на прочность. Демократия победила, потому что она лучше всех. Просто большинству стран, не относящихся к Западу, понадобилось некоторое время, чтобы это понять.

Отчасти я готов согласиться с этими аргументами. Демократия — это *действительно* лучшая из систем. Но в качестве ответа на вопрос о причинах недавнего волнообразного распространения демократизации их вряд ли можно считать достаточными. Они не объясняют, почему эти перемены произошли именно в данный исторический момент.

В поисках лучшего ответа нам следует разгадать загадку, которую я назову парадоксом демократии. Парадокс демократии заключается в том, что, пока она, как я только что показал, распространяется по всему миру, в зрелых

демократических государствах, которые остальной мир должен, казалось бы, брать за образец, растет разочарование в демократических процессах. В большинстве западных стран уровень доверия к политикам за последние годы снизился. Меньше людей, чем раньше, принимают участие в выборах, особенно в Соединенных Штатах. Все больше людей, особенно среди молодежи, заявляют, что их не интересует парламентский политический процесс. Почему же граждане демократических стран испытывают разочарование в демократической системе управления и в то же самое время именно эта система завоевывает все новые позиции по всему миру?

Объяснение кроется в тех переменах, которым и посвящена данная книга. Жизнь все большего числа людей во всем мире утрачивает характер рока — относительно-го постоянства и предопределенности. Авторитарное правление больше не соответствует новым условиям жизни, в том числе гибкости и динамизму, необходимым для конкурентоспособности в рамках глобальной электронной экономики. Политическая власть, основанная на авторитарной командной системе, уже не может опираться на традиционные факторы преклонения или уважения.

В мире, основанном на активном обмене информацией, жесткая власть — власть действующая только «сверху» — теряет свою силу. Экономические условия, которым «командная экономическая система» СССР или других авторитарных режимов была не в состоянии соответствовать, зеркально отражались и на политической сфере. Информационная монополия, лежавшая в основе политической системы этих стран, была обречена в условиях по определению открытой структуры глобальных коммуникаций.

В ходе событий 1989 г. в Восточной Европе огромные массы людей выходили на уличные демонстрации. Но —

в отличие от подавляющего большинства революций прошлого — насилия при этом было на удивление мало. Система, казавшаяся столь могучей и беспощадной, — коммунистический тоталитаризм — исчезла без следа, как будто ее никогда и не было. Очень немногие полагали, что с режимом апартеида в Южной Африке можно покончить без его насильственного свержения. И тем не менее это произошло.

Единственные случаи насилия в 1989 г. были связаны с захватом телестанций. Те, кто врывается в телецентры, правильно понимают свою главную задачу. Коммуникационная революция привела к появлению более активного, мыслящего гражданина. Именно эти события порождают недовольство в странах с устоявшейся демократией. В де-традиционализирующемся мире политики для оправдания своей деятельности уже не могут полагаться на прежние формы — помпезные и торжественные церемонии. Традиционный парламентский политический процесс демонстрирует свою оторванность от потока перемен, проносащегося по жизни людей.

И в каком же положении оказывается сама демократия? Можем ли мы согласиться с тем, что демократические институты приобретают маргинальный характер в тот самый момент, когда демократия, казалось бы, наступает по всем направлениям?

Весьма интересные результаты дали опросы общественного мнения о доверии к правительству, проведенные в Западных странах. Люди действительно во многом утратили прежнее доверие к политикам и традиционным демократическим процедурам. Однако они не утратили веры в демократические процессы. В ходе опроса, недавно проводившегося в США и крупнейших странах Западной Европы, более 90% населения заявили, что одобри-

тельно относятся к демократической форме правления. Более того, вопреки распространенному мнению, люди не утрачивают интереса к политике как таковой. Результаты опросов говорят об обратном. На деле люди больше интересуются политикой, чем раньше. Это относится и к молодому поколению. Молодежь вовсе не заслуживает ярлыка, которым ее так часто награждают, — ярлыка «поколения X», равнодушного и отчужденного.

Другое дело, что молодые люди, по крайней мере многие из них, более цинично относятся к претенциозным заявлениям политиков. Кроме того — и это особенно важно — молодежь больше всего волнуют те вопросы, по которым, по ее мнению, профессиональным политикам практически нечего сказать. Многие рассматривают политику как грязное дело, считают, что лидеры государств руководствуются собственными эгоистическими интересами, а не интересами своих граждан. Наиболее важными вопросами с точки зрения молодежи являются экологические проблемы, права человека, политика в отношении семьи и сексуальная свобода. Что же касается экономики, то они не верят в способность политиков справиться с силами, определяющими развитие нашего мира. Каждому понятно, что многие из этих проблем перерастают рамки отдельных государств. Поэтому не удивительно, что политически активные люди предпочитают вкладывать свою энергию в деятельность групп по «конкретным интересам», ведь они обещают то, чего традиционная политика, судя по всему, просто не в состоянии дать.

Каким образом можно поддержать существование демократии и активного управления в условиях, когда они, казалось бы, потеряли власть над развитием событий? Думаю, ответить. Нам в демократических странах необходимо углубление самой демократии. Назову это *демократии-*

защитой демократии. Но демократия сегодня имеет и транснациональный характер. Демократизация необходима и на более высоком — и более низком — уровне, чем уровень отдельного государства. Эпоха глобализации требует глобальных реакций, и к политике это относится не меньше, чем к любой другой сфере.

Углубление демократии требуется потому, что прежние механизмы управления просто не работают в обществе, граждане которого живут в той же информационной среде, что и те, кто ими управляет. Конечно, правительства западных демократий никогда не были столь же скрытными, как руководство коммунистических или иных авторитарных режимов. Но в некоторых случаях они, вне всякого сомнения, проявляли скрытность. Вспомним, например, о том, сколько информации о ядерных испытаниях и создании новых видов оружия утаивали правительства США и Великобритании в период «холодной войны». Кроме того, в западных демократических государствах существуют системы личных связей, политического патронажа и закулисных соглашений. Часто используется традиционная символика и традиционные формы власти, которые нельзя назвать вполне демократическими. Палата лордов британского парламента — лишь один из самых очевидных примеров. С ослаблением власти традиций то, что некогда внушало почтение и уважение, вдруг начинает казаться курьезным или даже смешным.

Не случайно в последнее время во многих странах мира разразилось столько коррупционных скандалов, связанных с политикой. От Японии до Германии, от Франции до США и Великобритании новостные заголовки нестроят сообщениями о делах, связанных с коррупцией. Сомневаюсь, что сегодня в демократических странах коррупция

стала более распространенным явлением, чем прежде. Скорее она стала более заметной в условиях открытого информационного общества, а представления о том, что считать коррупцией, изменились. В Великобритании, например, раньше почти все делалось через систему личных связей, даже когда у власти находились левоцентристские партии. Подобные системы вряд ли исчезли, но многое из того, что делалось через их посредство и считалось нормальным, теперь стало незаконным.

В разных странах демократизация демократии примет разные формы, в зависимости от конкретных условий. Но ни одну страну нельзя считать настолько передовой, чтобы она не нуждалась в этом процессе. Демократизация демократии означает эффективное делегирование полномочий там, где — как в Великобритании — слишком много власти все еще сосредоточено на общегосударственном уровне. Она означает эффективные антикоррупционные меры на всех уровнях.

Зачастую она предусматривает и конституционные реформы, а также большую прозрачность в политической сфере. Кроме того, мы должны быть готовы к экспериментам с альтернативными демократическими процедурами, особенно если это поможет приблизить принятие политических решений к повседневным заботам граждан. Такие институты как, скажем, «народные жюри» или электронные референдумы не заменят представительную демократию, но могут стать ее полезным дополнением.

Политическим партиям придется теснее, чем раньше, сотрудничать с «заинтересованными группами», например экологическими движениями. Некоторым сегодняшнее общество представляется раздробленным и дезорганизованным, но на самом деле это совсем не так. Люди активнее, чем прежде, участвуют в деятельности различ-

ных групп и объединений. В Великобритании количество участников добровольных объединений и групп самопомощи в 20 раз превышает число членов политических партий; во многом аналогичная ситуация наблюдается и в других странах.

«Заинтересованные группы» часто первыми поднимают проблемы и вопросы, которые в традиционных политических кругах, возможно, игнорировались бы до того момента, когда станет слишком поздно. Так, еще задолго до кризиса с губчатым энцефалитом в Великобритании, общественные группы и движения предупреждали об опасности распространения инфекций по «пищевой цепочке».

Демократизация демократии зависит и от воспитания мощной культуры гражданственности. Рынок сам по себе не способен породить такую культуру. Не способен к этому и плюрализм «заинтересованных групп». Нельзя считать, что в обществе существует только два сектора — государство и рынок, или общественный и частный сектора. Между ними лежит сфера гражданского общества, включающая семью и иные институты, не связанные с экономикой. Демократия чувств — один из элементов прогрессивной гражданской культуры. Гражданское общество — это арена, где вырабатываются демократические убеждения, в том числе терпимость. Гражданская сфера может формироваться государством, являясь, в свою очередь, его культурной основой.

Демократизация демократии нужна не только зрелым демократическим государствам. Она может способствовать построению демократических институтов там, где они слабы и страдают дистрофией. К примеру, в России, где правит бал бандитский капитализм и сохраняются сильные авторитарные обертоны из прошлого, невозможно построить более открытое и демократическое об-

щество исключительно «сверху». Его необходимо создавать снизу, через возрождение гражданской культуры. Этой цели не добиться одной заменой государственного контроля на рыночный механизм, даже если бы последний и отличался большей стабильностью, чем сегодня. Бесперебойно функционирующую демократию справедливо уподобляют трехногому табурету. Необходимо равновесие между государством, экономикой и гражданским обществом. Если что-то одно из них преобладает, последствия будут печальны. В бывшем Советском Союзе в большинстве сфер жизни господствовало государство. Поэтому экономике не доставало энергии, а гражданское общество было почти загублено.

За рамками этого уравнения мы не должны оставлять и СМИ. Средства массовой информации, особенно телевидение, имеют с демократией двоякую связь. С одной стороны, как я уже отмечал, наличие глобального информационного общества представляет собой мощную демократизирующую силу. С другой стороны, телевидение и другие СМИ уничтожают само публичное пространство для диалога, которое они же и создают, благодаря беспрестанному упрощению и персонализации политических вопросов. Более того, появление гигантских транснациональных медиа-корпораций означает, что никем не избранные магнаты делового мира способны приобрести огромное могущество.

Противодействие этому могуществу не может ограничиваться только политикой отдельных государств. Очень важно, чтобы демократизация демократии не останавливалась на государственном уровне. До сих пор демократическая политика подразумевала существование общенационального сообщества, самоуправляющегося и способного определять главные направления политики.

затрагивающей его интересы. Она подразумевала наличие суверенного народа. Но под воздействием глобализации само понятие суверенитета утратило четкость. Народы и государства остаются мощным фактором, но между ними и глобальными силами, воздействующими на жизнь их граждан, — как указывает политолог Дэвид Хелд — возникает широкий «пробел демократии». Экологические риски, колебания мировой экономики или глобальные технологические изменения не знают государственных границ. Они оказываются вне сферы демократических процессов — и в этом, как я уже говорил, состоит одна из главных причин падения популярности демократии в тех странах, где она глубже всего укоренилась.

Разговоры о демократии на надгосударственном уровне могут показаться утопическими. В конце концов подобные идеи широко обсуждались еще сто лет назад. Но вместо эры мировой гармонии разразились две мировые войны, а всего в войнах XX столетия погибло более ста миллионов человек.

Изменилась ли ситуация сейчас? Ясно, что точно этого никто утверждать не может, но, на мой взгляд, изменилась. Причины того я уже приводил в предыдущих главах. Мир стал куда более взаимозависимым, чем сто лет назад, и сам характер мирового сообщества уже не тот, что прежде. Обратная сторона медали заключается в том, что общие проблемы, с которыми мы сталкиваемся сегодня, — вроде глобальных экологических рисков — также приобрели гораздо больший масштаб.

Как можно развивать демократию на надгосударственном уровне? Я бы обратил не меньшее внимание на транснациональные организации, чем на международные. Организация Объединенных Наций, о чем свидетельствует само ее название, — это объединение госу-

дарств. Она редко вмешивается в вопросы, затрагивающие государственный суверенитет, по крайней мере пока, да и в ее Уставе записано, что ей следует воздерживаться от такого вмешательства. Другое дело — Европейский Союз. На мой взгляд, это объединение прокладывает путь, по которому могли бы пойти, и скорее всего пойдут, другие регионы мира. Важно не то, что ЕС представляет Европу, а то, что он является первопроходцем в области транснационального управления. Вопреки тому, что говорят и его сторонники, и его критики, это не федеративное государство или супергосударство. Но это и не просто объединение государств. При вступлении в ЕС страны-участницы добровольно отказываются от части своего суверенитета.

Конечно, сам Европейский Союз не отличается особой демократичностью. Есть знаменитая фраза о том, что если бы он сам подал заявку на вступление в ЕС, то его бы не приняли. ЕС не удовлетворяет критериям демократии, которые он устанавливает для своих членов. Но в принципе не существует никаких препятствий для его дальнейшей демократизации, и нам следует последовательно добиваться, чтобы он развивался именно в этом направлении.

ЕС — зримое воплощение кардинального принципа демократии, если рассматривать ее с точки зрения мирового порядка. Он заключается в том, что транснациональная структура может активно способствовать развитию демократии как внутри государств, так и в отношениях между ними. Европейские суды, к примеру, приняли ряд решений, в том числе мер по защите индивидуальных прав граждан, которые имеют обязательную силу на территории стран-участниц ЕС.

Окинув взором земной шар в конце XX столетия, мы найдем примерно столько же оснований испытывать

оптимизм, что и причин для пессимизма. Это относится и к развитию демократии. Внешне демократия напоминает нежный цветок. Несмотря на ее распространение, существует еще множество репрессивных режимов, а права человека постоянно нарушаются по всему миру. В Косово сотни тысяч людей были изгнаны из своих домов, а любая видимость законности — отброшена. Хочу здесь привести слова одного репортера, наблюдавшего за событиями. «В Македонии, — писал он, — находятся почти полмиллиона беженцев. Как их прокормить, никто не знает... Приезжайте в Македонию и помогите нам!» Эта заметка была напечатана в «Торонто Дейли Стар». Репортера звали Эрнест Хемингуэй, а дата публикации — 20 октября 1922 г.

Можно простить человеку, если он считает некоторые проблемы просто неразрешимыми, не надеется найти из них выхода. Может показаться, что демократия расцветает лишь на особо плодородной, тщательно возделанной почве. Похоже, что в обществах или регионах, не имеющих давних демократических традиций, она не укореняется глубоко и ее легко выкорчевать. Но, возможно, все это меняется. Может быть стоит считать демократию не нежным цветком, который легко затоптать, а скорее выносливым растением, способным пустить корни даже на самой скудной почве. Если мои утверждения верны, то распространение демократии связано со структурными изменениями в мировом сообществе. Ничто не достается нам без борьбы. Но за укрепление демократии на всех уровнях стоит бороться, и цель эта вполне достижима. Нашему ускользающему миру нужно больше, а не меньше управляемости — а обеспечить ее могут только демократические институты.

Рекомендуемая литература

Глобализация

Albrow, Martin. *The Global Age: State and Society Beyond Modernity*. Cambridge: Polity Press, 1996.

Автор утверждает, что мы вступаем в «первую глобальную эпоху». Вместо разговоров о глобализации нам следовало бы заняться анализом того, каким образом жизнь в глобальную эпоху приводит нас всех к новым формам взаимозависимости.

Bell, Daniel. «The world and the United States in 2013». *Daedalus*, 116 (3), 1987, 1—31.

В статье делается попытка спрогнозировать основные структурные изменения в будущем. Автор приходит к выводу о несовпадении масштабов действия сил глобализации и институтов современного государства.

Castells, Manuel. *The Rise of the Network Society (The Information Age, Vol. I)*. Cambridge, MA: Blackwell, 1996.

Скачать
PDF-файл
или
HTML-файл

В первом томе трехтомного исследования о формировании «сетевого общества» рассматриваются проблемы глобального порядка, которые связаны с особой ролью информации в новой, глобальной экономике.

Dicken, Peter. *Global Shift: Transforming the World Economy*. 3rd edn. London: Chapman, 1998.

Переработанное и дополненное исследование о меняющихся формах экономической деятельности в глобальном масштабе. В нем представлены данные, относящиеся к разным промышленным секторам, и освещается вопрос о влиянии экономической глобализации на государственный суверенитет.

Gray, John. *False Dawn: The Delusions of Global Capitalism*. London: Granta Books, 1998.

Весьма убедительная работа, где утверждается, что расширение глобального рынка приводит к возникновению многочисленных социальных проблем по всему миру. Автор отмечает, что не существует какой-то одной модели капиталистического развития, пригодной для всех стран и регионов.

Held, David, Anthony McGrew, David Goldblatt and Jonathan Perraton. *Global Transformations: Politics, Economics and Culture*. Cambridge: Polity Press, 1999.

На сегодня — это самая полная из вводных работ по проблеме глобализации. В ней содержится весьма сбалансированный анализ различных точек зрения. Авторы работы впервые вводят понятия «скептиков» и «радикалов», рассматривая вопрос о глобализации. Этими понятиями я воспользовался в главе 1.

Hirst, Paul Q., and Grahame Thompson. *Globalization in Question: The International Economy and the Possibilities of Governance*. Cambridge: Polity Press, 1996.

Хирст и Томпсон проявляют скептическое отношение к глобализации, утверждая, что уровень экономической интеграции на мировых рынках зачастую сильно преувеличен.

Korten, David C. *When Corporations Rule the World*. West Hartford, CN and San Francisco, CA: Kumarian Press and Berrett-Koehler, 1995.

В исследовании о феномене глобального экономического влияния особое внимание уделено роли гигантских корпораций. Автор поднимает вопрос о необходимости соответствующих мер в целях ограничения влияния корпораций.

McLuhan, Marshall. *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man*. Toronto: University of Toronto Press, 1962.

В этой работе впервые вводится популярный термин «мировая деревня» для характеристики влияния новых коммуникационных технологий на нашу жизнь.

Ohmae, Kenichi. *The End of the Nation State: The Rise of Regional Economies*. London: Harper Collins, 1995.

Позиция автора противоположна взглядам Хирста и Томпсона: он предполагает, что мощное развитие глобализации привело к утрате суверенными государствами большинства возможностей контролировать события на собственной территории.

Soros, George. *The Crisis of Global Capitalism: Open Society Endangered*. New York: BBS/Public Affairs, 1998.

Джордж Сорос — один из самых удачливых финансистов последних лет. Создав свое состояние на финансовых рынках, он тем не менее считает, что им необходима большая степень регулирования, чем сегодня. Иначе неизбежно повторение кризисов вроде того, что разразился в экономике стран Юго-Восточной Азии в 1998 г.

Strange, Susan. *The Retreat of the State: the Diffusion of Power in the World Economy*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

В этой книге, написанной автором «Казино-капитализма» (*Casino Capitalism*. Oxford: Blackwell, 1986), утверждается, что возникновение транснациональных экономических и политических организаций привело к существенному перераспределению власти в международной экономической политике.

Риск

Adams, John. *Risk*. London: UCL Press, 1994.

Интересная работа о природе риска и управлении рисками. Адамс утверждает, что при анализе риска необходимо учитывать, каким образом люди в своем поведении избирательно реагируют на предполагаемые риски.

Beck, Ulrich. *Risk Society: Towards a New Modernity*. London: Sage, 1992.

Классический труд, где утверждается, что мы переходим от «индустриального общества» к «обществу рисков». Общество рисков — это общество, отмеченное новыми факторами неопределенности, ростом индивидуализма и фундаментальным изменением главных социальных институтов.

Beck, Ulrich. *Ecological Politics in an Age of Risk*. Cambridge: Polity Press, 1995.

Автор связывает возникновение экологической политики с преобразованием природы современными технологиями. Мы начинаем беспокоиться о «природе», потому что в мире осталось так мало «природного».

Bernstein, Peter L. *Against the Gods: The Remarkable Story of Risk*. New York: John Wiley & Sons, 1996.

Лучшее исследование проблемы риска во взаимосвязи с историей теории вероятности и развитием финансовых рынков. Бернштейн показывает, как на протяжении веков возникали все более сложные формы оценки рисков.

Douglas, Mary, and Aaron Wildavsky. *Risk and Culture: an Essay on the Selection of Technical and Environmental Dangers*. Berkeley, CA: University of California Press, 1982.

Авторы утверждают, что риск не поддается объективному определению. Что считать «риском» — зависит от ценностей, исповедуемых индивидами и группами.

Franklin, Jane (ed.). *The Politics of Risk Society*. Cambridge: Polity Press, 1998.

Сборник статей, где обсуждаются различные аспекты проблемы риска в современном обществе.

Knight, Frank Hyneman. *Risk, Uncertainty and Profit*. Boston, MA: Houghton Mifflin, 1921.

Автор этой классической работы использует концепцию риска применительно к экономической деятельности и формулирует различие между «риском» и «неопределенностью». Формулировка автора, заключающаяся в том, что риск можно оценить, а неопределенность — нет, оказала влияние на многих исследователей.

Raphael, Adam. *Ultimate Risk*. London: Bantam Press, 1994.

Интересное описание различных проблем, с которыми столкнулась страховая компания «Ллойд». Автор утверждает, что неприятности фирмы «Ллойд» связаны с крупными просчетами в области управления рисками.

Royal Society. *Risk: Analysis, Perception, Management*. London: Royal Society, 1992.

Сборник статей
о риске

«Официальный» труд о проблеме риска, созданный весьма уважаемым научным обществом Великобритании. Вызвал большие споры по вопросу о противопоставлении «объективного» риска «субъективному».

Традиции

Ahmed, Akbar S., and Hastings Donnan (eds.). *Islam, Globalization, and Postmodernity*. London and New York: Routledge, 1994.

В работе прослеживается связь между развитием фундаментализма и расширением роли СМИ. Фундаментализм — не национальное, а международное явление.

Gellner, Ernest. *Postmodernism, Reason and Religion*. New York: Routledge, 1992.

Полемическая работа о значении религии в сегодняшнем мире. Религиозные традиции не умирают, а постоянно возрождаются.

Gross, David. *The Past in Ruins: Tradition and the Critique of Modernity*. Amherst, MA: University of Massachusetts Press, 1992.

Анализ изменений в характере традиций в контексте культурологической теории.

Heelas, Paul, Scott Lash and Paul Morris (eds.). *Detraditionalization: Critical Reflections on Authority and Identity*. Oxford: Blackwell, 1996.

Сборник статей, где обсуждается вопрос о снижении роли традиций в современном обществе. Высказываются различные точки зрения о том, насколько далеко в действительности зашел этот процесс и о его возможных последствиях.

Hobsbawm, Eric J., and Terrence O. Ranger. *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

Работа, ставшая классической. В ней продемонстрировано, что многие формы поведения, существующие, как нам представляется, с незапамятных времен, на самом деле «созданы» совсем недавно.

Huntington, Samuel P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster, 1996.

Ставшее сегодня знаменитым исследование о новых расколах в мировом сообществе, возникших в период после 1989 г. Хантингтон утверждает, что источники новых конфликтов в мире сосредоточены по давним «линиям фронта» между различными цивилизациями.

Kepel, Gilles. *The Revenge of God: The Resurgence of Islam, Christianity and Judaism in the Modern World*. Cambridge: Polity Press, 1994.

Очень интересное исследование о развитии фундаментализма. Особое внимание в книге уделяется сложностям, связанным с использованием концепции «фундаментализма» применительно к исламу.

Kramnick, Isaac (ed.). *The Portable Enlightenment Reader*. New York: Penguin, 1995.

В эту хрестоматию вошли произведения крупнейших мыслителей эпохи Просвещения. Включает также сочинения барона Гольбаха.

Marty, Martin E., and R. Scott Appleby (eds.). *Fundamentalism Observed (The Fundamentalism Project, vol. I)*. Chicago: University of Chicago Press, 1991.

Первый том этого многотомного исследования посвящен сущности фундаментализма в современном мире.

Said, Edward W. *Orientalism*. London: Routledge & Kegan Paul, 1979.

Автор подвергает критике сложившиеся у нас представления о других культурах и традициях. Вместо точного отображения реальности в этих представлениях часто проявляется завышенная самооценка западной культуры.

Shils, Edward A. *Tradition*. London: Faber & Faber, 1981.

Общий анализ сущности традиций в разных обществах и культурах. Автор призывает позитивно относиться к традициям из-за их важнейшей роли в обеспечении преемственности и сплоченности в обществе.

Vidal, Denis. «When the gods drink milk: empiricism and belief in contemporary Hinduism». *South Asia Research*, 18, 1998.

В этой работе исследуется необычный случай, который произошел в Индии в 1995 г., когда изображения Ганеша, бога с головой слона, и других божеств будто бы «по-настоящему» пили молоко, которое перед ними ставили.

Семья

Burgess, Adrienne. *Fatherhood Reclaimed: The Making of the Modern Father*. London: Vermilion, 1997.

В книге описывается изменение ролевой функции отцовства в современном обществе. Автор утверждает, что правам отцов следует уделять больше внимания.

Coontz, Stephanie. *The Way We Never Were: American Families and the Nostalgia Trip*. New York: Basic Books, 1992.

Меткая критика ностальгии по прежним формам семейной жизни. Кунц показывает, что «Золотого века» в истории семьи просто не было.

Duby, Georges. *Love and Marriage in the Middle Ages*. Cambridge: Polity Press, 1994.

Классическая работа, исследующая брак, любовь и сексуальность в Средние века. Показано, насколько основные представления обо всем этом, бытовавшие в то время, отличались от сегодняшних.

Foucault, Michel. *The History of Sexuality*, vol. I. Harmondsworth: Penguin, 1981 (впервые опубликована в 1976 г.)

Знаменитая работа о причинах повышенного внимания к сексу на Западе. Фуко утверждает, что викторианская эпоха не была периодом простого подавления сексуальности. Наоборот, викторианцы способствовали возникновению нашей «зачарованности» сексом.

Goode, William J. *World Revolution and Family Patterns*. New York and London: Free Press and Collier-Macmillan, 1963.

Классическое исследование об изменениях, которые претерпевает институт семьи по всему миру. Автор утверждает, что во многих странах и регионах эти изменения имеют общие черты.

Jamieson, Lynn. *Intimacy: Personal Relationships in Modern Societies*. Cambridge: Polity Press, 1998.

Автор освещает вопрос о том, насколько изменился характер интимных отношений в современном обществе, основываясь на эмпирических данных из разных западных стран.

Laslett, Peter. *The World We Have Lost*. London: Methuen, 1965.

Классическое исследование истории семейной жизни в прошлом, подвергающее сомнению многие мифы, связанные с институтом семьи.

McLanahan, Sara S., and Gary D. Sandefur. *Growing Up with a Single Parent: What Hurts, What Helps*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1994.

Лучшая работа о проблемах в области образования и социальной сфере, связанных с существованием неполных семей в США.

Phillips, Roderick. *Untying the Knot: A Short History of Divorce*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

Популярное исследование об истории разводов в Европе и США.

Phoenix, Ann. *Young Mothers?* Oxford: Polity Press, 1990.

Анализ проблем, с которыми сталкиваются несовершеннолетние матери в современном обществе.

Weeks, Jeffrey. *Sexuality*. Chichester: Ellis Horwood, 1986.

Увлекательно написанный и детальный вводный курс в исследование сексуальности. Автор дает сбалансированный анализ различных споров по вопросу о природе сексуальности.

Демократия

Barber, Benjamin R. *A Place for Us: How to Make Society Civil and Democracy Strong*. New York: Hill and Wang, 1998.

Анализ взаимоотношений между демократией, гражданским обществом и могущественными корпорациями. Автор утверждает, что для эффективного функционирования демократии необходимо регулирование как в сфере управления, так и в бизнесе, а также прочный фундамент — гражданское общество.

Czempiel, Ernst O., and James N. Rosenau (eds.). *Governance Without Government: Order and Change in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

Обсуждается возникновение новых, глобальных форм управления в результате глобализации.

Dunn, John. *Democracy: The Unfinished Journey, 508 BC to AD 1993*. Oxford: Oxford University Press, 1992.

Сборник статей о развитии демократии в различных регионах мира. Как видно из заголовка книги, их авторы предполагают, что нам придется пройти долгий путь, прежде чем демократия превратится в повсеместную и более удовлетворительную форму правления.

Fukuyama, Francis. *The End of History and the Last Man*. London: Hamish Hamilton, 1992.

Автор утверждает, что мы пришли «к концу истории», поскольку альтернатив капитализму и либеральной демократии не существует. В то же время он допускает возможность, что и в этом новом мире в конечном итоге возникнут новые причины для недовольства.

Held, David. *Models of Democracy*, 2nd edn. Cambridge: Polity Press, 1996.

Увлекательный и одновременно всесторонний анализ различных концепций демократии. В заключении автор выдвигает ряд предложений относительно ее будущего развития.

Huntington, Samuel P. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman, OK: University of Oklahoma Press, 1991.

Анализ возникновения демократических институтов в странах, где прежде отсутствовала демократическая система правления. Приведена критическая оценка некоторых работ о том, как и почему это произошло.

Ostrom, Elinor. *Governing the Commons: the Evolution of Institutions for Collective Action*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Исследование о том, каким образом возможно создание соответствующих форм управления для решения проблем, которые перерастают рамки отдельных государств.

Paolini, Albert J., Anthony P. Jarvis and Christian Reus-Smit (eds.). *Between Sovereignty and Global Governance: The United Nations, the State, and Civil Society*. London: Macmillan Press, 1998.

Сборник статей о развитии системы глобального управления, в которых особое внимание уделено изменениям, затрагивающим государственный суверенитет.

Rosenau, James N. *Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity*. London: Harvester Wheatsheaf, 1990.

Автор стремится объяснить непрекращающийся хаос в мировой политике, оценивая политические, социальные и экономические изменения, произошедшие после окончания Второй мировой войны. Он утверждает, что мы живем в «раздвоившемся мире», где традиционной системе, центром которой является государство, противостоит новый полицентричный мир неправительственных организаций и коллективных объединений.

Именной указатель

Белл, Дэниел 30	Морзе, Сэмюэл 27, 28
Вебер, Макс 18	Омае, Кеничи 25
Видаль, Дэни 60	Оруэлл, Джордж 18
Вульфстан 17	Рейнджер Теренс 54, 56
Гольбах, Поль 55	Милль, Джон Стюард 83
Дарвин, Чарльз 64	Роулинсон, Томас 53
Дзэдун, Мао 65	Фрейд, Зигмунт 64
Дюби, Жорж 70	Хелд, Дэвид 93
Киган, Джон 14	Хемингуэй, Эрнест 95
Лич, Эдмунд 14	Хобсбаум, Эрик 54, 56
Мандела, Нельсон 28	Хомейни, Рухолла 66
Маркс, Карл 18	

Избранная библиография работ Э. Гидденса

1. Capitalism and Modern Social Theor. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1971.
2. Politics and Sociology in the Thought of Max Weber, London: Macmillan, 1972; New York: Pall Mall.
3. The Class Structure of the Advanced Societies, London: Hutchinson University Library, 1973; New York: Harper & Row.
4. New Rules of Sociological Method, London: Hutchinson, 1976; New York: Basic Books.
5. Positivism and Sociology (Editor), London: Heinemann, 1973; New York: Basic Books.
6. (with P. H. Stanworth), Elites and Power in British Society. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1974.
7. Studies in Social and Political Theory, London: Hutchinson, 1977; New York: Basic Books.
8. Emile Durkheim, London: Fontana, 1978; New York: Penguin.

9. Central Problems in Social Theory, London: Macmillan, 1979; Berkeley: University of California Press.
10. A Contemporary Critique of Historical Materialism, London: Macmillan, 1981; Berkeley: University of California press.
11. Sociology: a Brief but Critical Introduction, London: Macmillan, 1982; New York: Harcourt, Brace, Jovanovich.
12. (with D. Held), Classes, Conflict and Power. London: Macmillan, 1982; Berkeley: University of California Press.
13. (with G. G. N. Mackenzie), Classes and the Division of Labour. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1982.
14. Profiles and Critiques in Social Theory, London: Macmillan, 1983; Berkeley: University of California Press.
15. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration, Cambridge: Polity Press, 1984; Berkeley: University of California Press.
16. The Nation-State and Violence, Cambridge: Polity Press, 1985; Berkeley: University of California Press.
17. Durkheim on Politics and the State, Cambridge: Polity Press, 1986; Palo Alto: Stanford University Press.
18. Social Theory and Modern Sociology, Cambridge: Polity Press, 1987; Palo Alto: Stanford University Press.
19. (with Jon Turner), Social Theory Today. Cambridge: Polity Press, 1988; Palo Alto: Stanford University Press.
20. Sociology, Cambridge: Polity Press, 1988; New York: Norton.
21. The Consequences of Modernity, Cambridge: Polity Press, 1990; Palo Alto: Stanford University Press.

22. Human Societies, Cambridge: Polity Press, 1992.
23. Modernity and Self-Identity, Cambridge: Polity Press, 1991; Palo Alto: Stanford University Press.
24. The Transformation of Intimacy, Cambridge: Polity Press, 1992; Palo Alto: Stanford University Press.
25. Beyond Left and Right, Cambridge: Polity Press, 1994; Palo Alto: Stanford University Press.
26. (with Ulrich Beck and Scott Lash), Reflexive Modernisation. Cambridge: Polity Press, 1994; Palo Alto: Stanford University Press.
27. Politics, Sociology and Social Theory, Cambridge: Polity Press, 1995; Palo Alto: Stanford University Press.
28. In Defence of Sociology, Cambridge: Polity Press, 1996; Palo Alto: Stanford University Press.
29. (with Christopher Pierson), Conversations with Anthony Giddens: Making Sense of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1998.
30. The Third Way: the Renewal of Social Democracy, Cambridge: Polity Press, 1998.
31. The Third Way and its Critics, Cambridge: Polity Press, 2000.
32. (with Will Hutton), On the Edge: Living with Global Capitalism (Editor). London: Jonathan Cape, 2000.
33. The Global Third Way Debate Polity, 2001
34. Sociology, Polity, 2001, 4th edition

Издания Э. Гидденса и литература о нем на русском языке

1. Девять тезисов о будущем социологии // THESIS. 1994. С. 57—82.
2. Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994. № 5. С. 107—134
3. Современная теоретическая социология: Энтони Гидденс: Реф. сб. / Ред. и сост. Н.Л. Полякова. М.: ИНИОН РАН, 1995.
4. Социология / Пер. с англ. В. Малышенко и др.; Под общ. ред. Л.С. Гурьевой, Л.Н. Иосилевича. М.: Эдиториал УРСС, 1999.
5. Устроение общества: Очерк теории структурализации / Пер. И. Тюриной. М.: Акад. проект, 2003.
6. Постмодерн // Философия истории. Антология: Учеб. пособие для студентов гуманитар. вузов / Под ред. Ю.А. Кимелева. М.: Аспект-пресс, 1995.
7. Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас: Учеб. пособие: [Сборник] / Сост., пер. и вступ. ст. А.В. Леденевой. Новосибирск: Изд-во Новосибир. университета, 1995.

8. Новые правила социологического метода // Теоретическая социология: Антология: [В 2 ч.] / Моск. высш. шк. соц. и эконом. наук, Ин-т социологии РАН, Центр фундам. социологии; Под ред. С.П. Баньковской; [Пер. с англ., фр., нем., ит. С.П. Баньковской]. Ч. 2. М.: Книжный дом «Университет», 2002. С. 281—318.

Готовится к выпуску

Бауман З.

Глобализация. Последствия для человека и общества

Пер. с англ., 188 с.

Зигмунт Бауман — известный британский социолог, автор свыше 24 книг по наиболее злободневным вопросам общественного развития. Предлагаемая вниманию читателей книга посвящена проблемам глобализации, которая, как пишет З. Бауман, «сегодня у всех на слуху». Глобализация в равной степени и равным образом затрагивает каждого из нас. Одни превозносят глобализацию, другие видят в ней источник всех бедствий. Книга, по замыслу автора, носит дискуссионный характер и «содержит гораздо больше вопросов, чем ответов». Свою задачу человека и ученого З. Бауман видит в том, чтобы привлечь к этим вопросам возможно широкую читательскую аудиторию и задуматься о влиянии глобализации на современное состояние нашей цивилизации.

Информацию о книгах и условиях заказа можно получить по телефонам: (095) 923-68-39, (095) 923-85-68, по факсу: (095) 925-42-69, по электронной почте: orders@vesmirbooks.ru, а также на сайте Издательства «Весь Мир» <http://www.vesmirbooks.ru>
Наш адрес: 101831 Москва, Колпачный переулок, 9а

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ВЕСЬ МИР»

Готовится к выпуску

Глобализация, рост и бедность. Построение всеобщей мировой экономики

Пер. с англ., 204 с.

Книга представляет собой доклад экспертов Всемирного Банка о влиянии глобализации на экономические процессы в развивающихся странах и регионах. Основное внимание уделяется проблемам бедного населения в этих странах и перспективам, которые для него открывает процесс глобализации. Авторы приводят примеры положительного и отрицательного влияния глобализации на уровень жизни развивающихся стран и дают свои рекомендации по решению возникающих проблем в контексте глобальной экономической интеграции.

Книга снабжена таблицами, графиками и обширной библиографией. Она будет полезна тем, кто занимается общими проблемами глобализации, и тем, кто интересуется ее конкретными аспектами.

ООО Издательство «Весь Мир» является официальным дистрибьютером публикаций Всемирного банка и других международных организаций в Российской Федерации. Информацию о книгах и условиях заказа можно получить по телефонам: (095) 923-68-39, (095) 923-85-68, по факсу: (095) 925-42-69, по электронной почте: orders@vesmirbooks.ru, а также на сайте Издательства «Весь Мир» <http://www.vesmirbooks.ru>
Наш адрес: 101831 Москва, Колпачный переулок, 9а

Готовится к выпуску

Глобализация и национальные финансовые системы

Пер. с англ., 300 с.

Глобализация в финансовой сфере является важной темой научных и прикладных исследований. Предлагаемая вниманию читателей книга представляет собой исследование экспертов Финансового сектора Всемирного банка, в котором рассматриваются такие проблемы, как использование офшорных депозитов в иностранной валюте, особенности функционирования иностранных банков в развивающихся странах и преимущества международной диверсификации портфелей ценных бумаг. Авторы подробно анализируют использование международных связей и информационных технологий для повышения эффективности работы банков и фондовых рынков и понижения издержек предоставления финансовых услуг фондовым рынкам, пенсионным фондам и другим институтам в системе контрактных сбережений.

Книга, безусловно, представляет интерес для экономистов, финансовых аналитиков, руководителей и менеджеров банковской системы.

Гидденс Энтони

**Ускользящий мир:
как глобализация меняет нашу жизнь**

Художник *Е.А. Ильин*

Редактор *Е.В. Яновская*

Младший редактор *Т.Л. Полякова*

Корректор *И.А. Горбатова*

Компьютерная верстка *Н.А. Хритошкиной*

ИД № 03510 от 15.12.2000

Подписано в печать 10.11.2003. Формат 60 x 88 ¹/₁₆.

Гарнитура «Garamond C». Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 7.5.

Изд. № 24/03-и

ООО Издательство «Весь Мир»

101831 Москва-Центр, Колпачный пер., 9а

Тел.: (095) 923-68-39, 923-85-68

Факс (095) 925-42-69

E-mail: orders@vesmirbooks.ru

<http://www.vesmirbooks.ru>

Отпечатано в типографии ГУ ГЦМПП

135800 Москва, Б-140, Краснопрудный пер., д. 7